Путеводитель по Лукоморью

Автор:
Дарья Донцова

Путеводитель по Лукоморью

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #30

До чего же негостеприимный городок! Не успела я приехать, как сразу подслушала разговор, что визит писательницы Арины Виоловой хуже десанта зеленых человечков. Если бы не секретное задание, ноги бы моей здесь не было! Не так давно в Беркутове объявилась… добрая волшебница: художница Ирина Богданова, направо и налево раздающая «исполнялки». У обладателей этих чудесных картинок, талантливо накорябанных в стиле «палка-палка-огуречик», мигом сбываются любые желания! Правда, есть небольшая неувязочка: Ирина Богданова… погибла несколько лет назад! Кто же занял место художницы и коварно вжился в ее роль? Я обязательно разберусь, только сначала приму душ из лейки в местном пятизвездочном отеле и выгоню влюбленную парочку, зачем-то забравшуюся в мою постель!

Дарья Донцова

Путеводитель по Лукоморью

Глава 1

Никогда не стоит перепрыгивать через забор, если не знаешь, зачем его поставили.

Я медленно подошла к деревянным щитам, перекрывавшим почти всю дорогу, и стала осторожно протискиваться между забором и стеной деревянного дома. Одно из окон полуразвалившейся избенки открылось, оттуда вывесилась аккуратная круглолицая бабуля в белом отглаженном платочке и светло-серой кофточке с брошкой на кружевном воротничке.

– Ну и за каким… ты сюда прешься? – спросила она.

Вот уж от кого не ждешь площадного ругательства – это от такой вот старушки с добрым лицом, на котором цветет ласковая улыбка. Я опешила. Наконец пришла в себя и сказала:

– Хочу пройти на Октябрьскую улицу.

– Сама-то откуда? – неожиданно проявила любопытство пенсионерка.

– Из Москвы, – ответила я. – Уж извините, заплутала в вашем городе. Остановила на площади какого-то мужчину, он показал дорогу, но, похоже, ошибся, тут все перегорожено.

– Октябрьских у нас две, – пустилась в объяснения бабка, – новая и старая. Первая раньше называлась Ленинской, так ее переделали в Октябрьскую. А та, что раньше Октябрьской считалась, нынче Свободная, но народ ее все равно Октябрьской зовет.

– Я ищу дом художницы Ирины Богдановой, – вздохнула я. – Куда мне направиться?

– Тебе совсем не сюда, – заявила бабулька, – пехом попрешь или на метро сядешь?

– В Беркутове есть метро? – поразилась я. – Неужели сюда дотянули ветку?

– У нас оно поверху гоняет, – сказала старуха, – от здания управы до поворотного круга и назад.

– Вообще-то у меня машина.

– И где ж она? – спросила собеседница.

– Стоит на соседней улице, – вздохнула я. – Мне еще издали стало понятно, что тут не проехать, вот я и пошла пешком на разведку.

– Ну так топай назад, – велела старушка, – а потом кати через мост, речку, пустырь. Доедешь до магазина «Говядина вторсырье», там и спроси, куда дальше переть. У продавщицы поинтересуйся, ее Светкой кличут. Ты с ней поговори, Светлана может без очереди во двор Богдановой отвести.

– Говядина вторсырье? – изумилась я. – Как такое возможно? Вторичной переработке подвергаются металл, бумага, тряпки, а о продуктах питания, полученных подобным образом, я никогда не слышала.

Но старушка уже захлопнула окно, и мне не оставалось ничего другого, как вернуться к своему автомобилю. Я снова проехала по мосту через речушку, которую пересекла минут пять назад, миновала пустырь и увидела здание, которое украшала замечательная вывеска «Мясо секонд-хенд из Америки».

Припарковавшись на площадке, усеянной разнокалиберными ямами, я еще раз внимательно посмотрела на лавку. Судя по полному отсутствию людей, она не пользовалась особой популярностью. Это и понятно, ведь мало кому захочется купить «мясо секонд-хенд». Но по мере приближения к торговой точке мне стало ясно, что передо мной не один, а два магазина. Один назывался «Мясо», второй «Секонд-хенд из Америки». Просто их вывески висят встык, никаких кавычек на них, естественно, нет, а фасад здания был слишком мал, чтобы сделать между надписями промежуток. Мне стало смешно. Вот почему бабулька, любящая употреблять крепкое словцо, говорила про вторсырье – человеку ее возраста трудно запомнить его иностранный вариант «секонд-хенд». Ну и в какую дверь лучше зайти? Чем торгует упомянутая старушкой Светлана – продуктами или шмотками?

Поколебавшись мгновение, я потянула на себя правую и сделала новое открытие: у лавочек одно помещение, границей между ними служит касса, за которой восседает рыжая веснушчатая девушка.

– Сделайте одолжение, подскажите, как пройти к дому Ирины Богдановой, – обратилась к ней я.

Кассирша осторожно поправила щедро облитые лаком волосы и простуженно прохрипела:

– Ехайте на Октябрьскую. А лучше вам на метро сесть, пехом далековато.

– Вас Светой зовут? – улыбнулась я.

Девушка удивилась:

– Откуда вы знаете?

– Заблудилась в вашем городке. Потом вроде добралась до нужной улицы, но она оказалась перегорожена, забор там поставлен, – повторила я свои объяснения. – Только стала мимо него пробираться, из окошка бабуля выглянула, очень милая с виду.

– А, Раиса Кузьминична… – Света засмеялась. – Хотите, я расскажу, что дальше произошло? Баба Рая вам про две Октябрьские напела и сюда отправила, велела у меня дорогу на поле желаний спросить, да еще пообещала, что я к Ирине без очереди проведу.

– Вы случайно не экстрасенс? – восхитилась я.

Продавщица ответила:

– Бабка так со всеми поступает. Люди верят, а когда я отнекиваюсь, говорю, что не могу ничем помочь, они злятся. Один мужик даже драться полез. Вот рассказать про Богданову могу. Будете слушать?

Я энергично кивнула. Похоже, из-за отсутствия покупателей Светлане скучно на рабочем месте до зубовного скрежета, девушка явно обрадовалась посетительнице и решила поболтать от души. А мне ее желание на руку. До сих пор всю информацию о художнице ваша покорная слуга Виола Тараканова черпала в Интернете, и узнать подробности из уст местной жительницы мне

будет полезно.

…Небольшой городок Беркутов расположен в девяноста километрах от Москвы. Вроде столица близко, но каждый день туда не наездишься, электричка идет почти два часа. Да еще не всякий электропоезд притормаживает на станции, некоторые со свистом пролетают мимо Беркутова. В советские годы народ в местечке жил не так уж и плохо. Тут располагался столичный НИИ с полигоном, где выращивали всякие экспериментальные растения, был построен целый район, в котором селились ученые. Некоторые из них работали вахтовым методом, другие, приехав из столицы на месяц, очаровывались размеренной жизнью Беркутова и становились его постоянными обитателями.

Городок делит на две неравные части речка со смешным названием Митька, поэтому у аборигенов в ходу слова «левый» и «правый» берег. Жить справа всегда было престижно, потому что там и располагались дома ученых, а слева ютились местные жители, которые обслуживали экспериментальные поля и оранжереи, работали домработницами, нянями. На правой стороне была очень хорошая школа, куда неохотно брали детей с левой стороны. А еще там имелись магазины с особым снабжением, где сотрудникам научного городка по талонам отпускали дефицитные продукты и промтовары. Сами понимаете, что «левые» сильно недолюбливали «правых», но им приходилось служить «господам москвичам», потому что рынок рабочих мест в Беркутове был весьма и весьма невелик. Причем все доходные места в городке, вроде службы в магазинах, на почте, в детском садике и клубе, были давным-давно заняты, а освободившиеся раздавались исключительно своим людям. Так что прочему люду не оставалось другого выбора: либо ты пашешь на ученых, либо катайся в Москву, убивая каждый день почти четыре часа на дорогу, поднимаясь в пять утра и ложась за полночь. Так повелось аж с конца сороковых годов двадцатого века, когда и был основан НИИ экспериментальных растений[1 - Данный НИИ, как и город Беркутов, целиком и полностью выдуманы. Любые совпадения случайны. Здесь и далее примечания автора.].

В перестройку заведенный порядок рухнул. НИИ перестал получать должное финансирование, захирел и развалился. Научные сотрудники разбежались кто куда, в Беркутове остались лишь те, кому некуда было деваться. Школа, магазины на правой стороне закрылись. Кандидаты и доктора наук, чтобы выжить, стали выращивать овощи и фрукты на продажу, пускать на лето дачников, а кое-кто вульгарно запил. Местное население ликовало. «Левые» были счастливы: ну наконец-то восторжествовала справедливость, пусть теперь

«правые» поживут в нищете, поймут, каково приходится простым людям, без высшего образования. Но уже через полгода злорадство местного населения перешло в растерянность. В Беркутове не стало в магазинах ни товаров, ни продуктов. Все, кто ранее трудился в НИИ, потеряли работу и сидели без денег. Потом закрылась местная сберкасса, тихо умерли библиотека и клуб, а школа продолжала существовать лишь на голом энтузиазме старых учителей, готовых сеять разумное, доброе, вечное бесплатно. Но через пару лет пожилые педагоги стали умирать, молодежь же ни под каким видом не хотела работать в школе. Парни и девушки убегали из городка. Потом многие девушки вернулись назад – с детьми на руках. И сели на шею родителям, которые выживали за счет огородов.

В конце концов настало время, когда Беркутов почти умер. Коммунальное хозяйство пришло в полный упадок, картошкой местный люд засеял все участки земли, а центром культурной жизни считалась платформа, где на короткое время притормаживали электрички. Там коробейники торговали одеждой и были открыты ларьки с газетами-журналами, шоколадными батончиками-печеньем-жвачкой, сигаретами. Хорошо хоть, что Беркутов традиционно считался у москвичей экологически чистым местом, поэтому столичные жители привозили сюда на лето свои семьи. Июнь, июль и август были горячими месяцами для местных жителей – они вкалывали на огородах, консервировали овощи-фрукты, селили в своих избах дачников, сами же ютились в сараюшках. Ну а осенью, зимой и весной проедали заработанное летом.

Возрождение Беркутова началось после того, как мэром в городке стал доктор наук Максим Антонович Буркин. Несмотря на солидные научные регалии, Максим был человеком отнюдь не пожилым и весьма пробивным. Непонятно, каким образом Буркину удалось получить финансирование и починить дорогу, которая шла от вокзала к центру городка. Но беркутовцы сразу осудили мэра: одни считали, что городскому начальству следовало открыть рынок, другие ожидали бесплатного ремонта своих домов, третьи надеялись на материальную помощь.

– За каким чертом нам шоссе? – бормотали «левые». – Максим для себя постарался. Трясет его, видите ли, когда в иномарке катит.

«Правые» помалкивали, но и у них вид был хмурый.

Положение дел волшебно изменилось, когда в Беркутов на постоянное жительство прибыла Ирина Богданова. О том, что в провинциальном местечке поселилась знаменитость, народу стало известно быстро. Новость приехала по

дороге, которую возродил Буркин. И первой ее узнала Клавдия Семеновна Рябцева.

Ясным солнечным днем на шоссе показался большой автобус с яркой надписью «Телевидение». Он притормозил у первого дома Беркутова, из салона выглянул патлатый парень в черной бейсболке и заорал:

– Эй, тетка, где тут у вас дом Богдановой?

Клавдия, собиравшая с капусты гусениц, с трудом распрямила затекшую поясницу и переспросила:

– Чегой-то? Кого вы ищете?

– Художницу Ирину Богданову, – повторил молодой человек.

– Не слышала про такую, – растерялась женщина. Потом окликнула десятилетнюю внучку: – Тань, а ты ее знаешь? Может, у вас в школе кто новый появился?

– Не-а, – протянула та.

– Некоторые люди, не найдя в капусте младенца, воспитывают кочан, – буркнул добрый молодец, и автобус резво покатил вперед.

– Вот наглец! – возмутилась баба Клава и снова занялась огородными паразитами.

Но долго бороться с гусеницами старухе не удалось – у домика притормозил мини-вэн. То есть опять же автобус, только на сей раз маленький, розовый, похожий на леденец. На ветровом стекле у него было написано «Журнал «Дамское счастье».

– Бабуля! – гаркнул водитель. – Как к местной волшебнице проехать?

Клавдия перекрестилась.

– Слава богу, нету у нас колдунов.

Из другого окошка высунулась симпатичная блондинка.

– Бабулечка, шофер пошутил. Нам нужна Ирина Богданова, мы едем на пресс-конференцию.

Рябцева от неожиданности выронила банку с вредителями.

– Куда?

Сзади раздался нервный гудок. Почти вплотную к багажнику мини-вэна припарковалась длинная серебристая машина. Из нее вышел мужчина в джинсах и спросил у знатоков дамского счастья:

– Ребята, вы на презентацию? К Богдановой?

– Ага, – радостно кивнула девушка. – Но куда двигаться, не знаем. Местные дорогу не показывают.

Незнакомец поморщился.

– Чего от чукчей в тундре ждать? Даже если у них Будда поселится или с неба на колеснице Зевс спустится, алконавтам без разницы. Думаю, нам надо ехать по шоссе вперед. Поверьте моему личному опыту: если в провинции есть одна-единственная заасфальтированная дорога, она прямиком ведет к особняку местного мэра. Вот у него и поинтересуемся.

Глава 2

Возмущенная хамством заезжих гостей, баба Клава забыла про гусениц и пошла по соседкам, рассказывать им о наглых столичных штучках. Местные сплетницы зацокали языками и в свою очередь побежали по своим подругам. А по единственной дороге то и дело проносились автомобили с московскими

номерами. Все они пересекали мост и, миновав Октябрьскую улицу, въезжали в ворота бывшего НИИ экспериментальных растений. Беркутовцы терялись в догадках. Вскоре до их слуха стала долетать музыка, потом кто-то заорал в микрофон с такой силой, что его голос достиг ушей тех местных жителей, которые не постеснялись подойти вплотную к распахнутым воротам.

– Приветствуем вас на открытии мастерской великой Ирины Богдановой. Благословенная земля Беркутова рада переезду к нам Ирины Ильиничны. Ура!

Праздник длился долго, народу для участия в нем прикатила уйма, состоялся концерт с участием звезд второй свежести. То есть из столицы примчались какие-то певцы, но беркутовцы, которые не видели артистов, а лишь слышали их пение (преимущественно под фонограмму), решили, что в бывшем НИИ выступают те, кто каждый день мелькает на экране телевизора, и окончательно ошалели.

Местные жители еще пару дней пребывали в изумлении, а рассеялось оно в воскресенье утром, когда обитатели Беркутова, продрав глаза, включили свои «зомбоящики» и стали внимать программе, которую до полудня показывал районный телеканал. Как правило, ведущая Ульяна Сергеева, упорно копирующая своих коллег из московского телецентра «Останкино», с натужной бодростью рассказывала о всех новостях округи за неделю. Но в то утро Уля пребывала в искреннем восторге, слова сыпались из нее с утроенной скоростью, и Беркутов был сражен услышанной историей.

Оказалось, что когда-то в НИИ экспериментальных растений служил некий Илья Богданов, тихий, незаметный ученый, занимавшийся селекционной работой с морковью. У него была доченька Ирочка, которую он, будучи вдовцом, растил один. Потом Богданов исчез из Беркутова. Ни с кем из местных жителей ученый, довольно угрюмый и неразговорчивый, не общался, поэтому ни один человек о нем не тосковал. Илью забыли мгновенно и никогда бы не вспомнили об отце-одиночке, но Ира выросла и стала известной художницей. Если верить захлебывающейся от эмоций Ульяне, на картинах Ирины Богдановой помешался чуть ли не весь мир. Их покупали как музеи, так и частные коллекционеры, автора называли гениальной, ставили в один ряд с таким художником, как Целков[2 - Целков Олег Николаевич (р. 1934 г.) – российский художник, один из самых значительных представителей так называемого «неофициального искусства». С 1977 года живет во Франции. Невероятно талантливый живописец, не теряющий с возрастом фантазии и способности удивлять своих

поклонников.], превозносили Ирину буквально до небес.

Беркутовцы прибалдели, когда на экране стали демонстрировать фотографии наиболее известных полотен дочери ученого. Ну, например, «Рассвет на западе». Весь холст замазан черной краской, только в правом верхнем углу осталось круглое светлое пространство, в котором изображено скопище пронзительно красных полумесяцев. И что сие означает? Почему мазня, которую легко мог сотворить пятилетний ребенок, привела в восторг и критиков, и коллекционеров, и публику? Где тут восходящее солнце? Смущало и название, ведь даже первокласснику известно, что светило озаряет первыми лучами небосклон на востоке, на западе оно заходит за горизонт. Или другая работа Богдановой – «Слезы настоящей любви». Здесь фон был белый, а по нему в беспорядке разбросаны разноцветные «горошины». В общем, полная ерунда, так любой намалюет. И бедные беркутовцы чуть не рухнули со своих табуреток, когда услышали слова ведущей местных теленовостей.

– Оба произведения хранятся в музеях Америки, каждое из них сейчас оценивается в несколько миллионов долларов, – объявила Ульяна.

А земляки живописицы закачали головами – похоже, штатники сошли с ума, раз они готовы отдать вагон денег за мазню.

Но главное изумление поджидало их впереди. Оказывается, Ирина может исполнить заветное желание человека. Нужно просто подойти к ней со своей просьбой, например, сказать: «Я хочу замуж!» Художница возьмет листочек бумаги размером чуть больше сигаретной пачки и примется на нем рисовать. Композиция обычно состоит из черточек, штрихов или геометрических фигур. Потом Ирина отдаст просителю сие произведение. А дальше начинается самое интересное: листочек надо поместить под стекло, убрать подальше с глаз, постараться забыть о мечте, и – заветное желание исполнится непременно.

Хоть Беркутов и был в год возвращения Богдановой медвежьим углом, там все же жили люди, умеющие работать в Интернете. Очень скоро местное население выяснило, что у Ирины есть сайт, набитый сообщениями от тех, кто с ее помощью удачно нашел свою вторую половину, получил прекрасную работу, вылечился от тяжелой болезни, помирился с родственниками, родил ребенка. Но кроме восторженных благодарностей там были размещены и письма людей, с которыми Ирина не пожелала иметь дела. Да, да, Богданова бралась помогать далеко не каждому. Человек мог упасть перед художницей на колени, биться

лбом о землю, рыдать, но она молча проходила мимо. С другой стороны, порой художница останавливала на улице машину, подзывала прохожего и быстренько рисовала ему «исполнялку» – так народ назвал листочки с ее каракулями. Чем руководствуется Богданова, никто не понимал. Как все гении, дочь ученого человек с большими странностями. Ирина провела за границей несколько лет, а потом решила навсегда поселиться в Беркутове. Почему? Спросите что-нибудь попроще. Ну, например, где встретить марсианина. Честное слово, ответить о местожительстве зеленого человечка будет намного легче, чем объяснить поведение художницы.

После того как исполнительница желаний устроилась в Беркутове, жизнь небольшого, забытого Богом и властями местечка стала меняться с калейдоскопической скоростью. Сюда валом повалил народ со всей России, из близкого и дальнего зарубежья. Сперва паломников было немного, но потом начался настоящий бум, людей привозят автобусами – несколько крупных туристических агентств продают туры под названием «Ваша мечта». Мэр города постарался создать для приезжих наилучшие условия. Максим Антонович сумел привлечь инвесторов, и теперь в подмосковном местечке построено несколько вполне приличных гостиниц, открыты кафе, рестораны, работает музей, где можно посмотреть и приобрести репродукции картин Богдановой. Говорят, что их покупка приносит удачу.

Здания НИИ, во дворе которого некогда устроили праздник, посвященный приезду Ирины, более нет. Небольшое и ветхое строение снесли, а на его месте вырос крошечный домик художницы. Возле него появились особняки беркутовской знати: мэра Буркина, главного врача больницы Владимира Яковлевича Обоева, директора школы и, по совместительству, музея Степана Николаевича Матвеева, бывшего начальника местной милиции, а ныне ближайшего приятеля и помощника главы города Игоря Львовича Сердюкова. Аборигены зовут этот размещенный за одним забором поселок Лукоморьем. Есть еще второе название: Царское село, но ненависти к начальству никто не испытывает. Наоборот, Максима Антоновича теперь любят и говорят:

– Ну, построил себе человек хоромы, так ведь и о городе заботится, живем мы лучше других. Благослови господь Богданову и нашего мэра за то, что ее сюда зазвал.

Беркутов процветает за счет паломников, спешащих к художнице. Ирина к народу выходит регулярно, любое ее появление на публике вызывает истерику и

вопли. Однако когда именно доброй волшебнице придет в голову появиться во дворе дома и осчастливить кого-то из тех, кто трепетно ждет ее появления, неизвестно. Каждому вновь прибывшему непременно расскажут байку, как один раз Богданова совершенно неожиданно возникла во дворе, нарисовала всем без исключения картинки, и у всех потом исполнились их заветные желания. Среди тех, кто приезжает к художнице, много людей с неустроенным личным счастьем, безработных, нищих, но львиную долю в сей толпе составляют родители больных детей. В областной клинике, расположенной на окраине Беркутова, лечат малышей, которым поставлены тяжелые диагнозы. Их матери сутками дежурят во дворе Ирины, вместе с ними стоят и родственники тех, кто лежит в других медучреждениях. Люди готовы на все, чтобы увидеть своих ребяток здоровыми, поскольку знают: те, кто получил из рук художницы «исполнялку», вскоре увезли домой детей, избавленных от злого недуга.

Поскольку топтаться у крылечка сутками в надежде увидеть великую женщину могут не все, в Беркутове существует сад счастья. Там все деревья обвязаны особыми лентами, на которых люди пишут свои имена, фамилии и телефоны. Говорят, поздними вечерами, когда территория закрывается для посетителей, Ирина любит прогуливаться среди посадок, ранее принадлежавших НИИ растениеводства, и иногда снимает попавшиеся под руку ленты, отдает своим помощникам, а те звонят избранному. Счастливчик на всех парах несется в Беркутов, где его ждет встреча с доброй феей. Ну а теперь самое интересное: Богданова не берет с людей ни копейки, рисует «исполнялки» совершенно бескорыстно.

Так по какой же причине провинциальный городишко вылез из финансовой ямы? Ответ прост: все, что связано с именем художницы, приносит доход. Человек, приехавший в Лукоморье, непременно берет у ворот путеводитель и, следуя его указаниям, начинает с сада счастья. Повязать на дерево можно лишь ленточку, купленную у входа в сад. Причем у людей есть выбор – можно приобрести тоненькую, коротенькую тесемочку за пятьдесят рублей или широкую и длинную за тысячу. Думаете, народ в целях экономии покупает самую дешевую? Вовсе нет! Все полагают, что Ирина обратит внимание на большую ленту, поэтому крошечные не пользуются особой популярностью. В магазинчике у входа в сад можно приобрести ленты за пять, десять и даже за двадцать тысяч, и они на прилавке не залеживаются. Там же продают и репродукции картин, от маленьких до огромных.

Если заглянуть в сувенирную лавку, открытую на центральной улице Беркутова, то там посетитель увидит все те же репродукции, а еще фото Ирины, снимки сада счастья, мастерской и дороги здоровья. Что такое дорога здоровья? Длинная крытая аллея, которая тянется от сада к фонтану. На ней установлены щиты, куда люди прикрепляют записочки с пожеланиями выздоровления своим больным родственникам и знакомым. Денег за место на досках никто не берет, но прицепить туда можно лишь листочек, купленный в будочке, стоящей чуть поодаль. И, конечно, бумажки разного размера… ну, все, как с ленточками.

Пройдя аллею до конца, человек упирается в фонтан, вода в котором обладает волшебными свойствами. Умоешься ею – и все неприятности словно корова языком слизнула. Набрать воды можно бесплатно, вот только зачерпывать из фонтанчика разрешается бутылочкой, которая… правильно, продается в той же будочке, что и бумага. И, сами понимаете, емкости разного объема.

Люди, прибывшие в Беркутов, поступают совершенно одинаково: покупают ленточку, привязывают на дерево, торопятся к аллее здоровья, прикрепляют там записочку, набирают водички из фонтана и бросают туда монетку. Последнее действие никак не провоцировалось создателями бренда «Ирина Богданова», люди сами начали швырять мелочь, одному Богу известно, сколько денег в конце недели выгребает со дна нанятый рабочий. Проделав программу минимум, паломник непременно захочет приобрести и репродукцию, и фотографии, а потом отправится к дому художницы, где постоит в толпе, ожидая вероятного выхода Ирины.

Одним словом, никто никого не обманывает, денег не вымогает. Можешь прибыть в Беркутов и абсолютно бесплатно потолкаться среди сотни себе подобных, надеясь хоть краем глаза посмотреть на художницу. Совсем не обязательно тратиться на ленточку, записку и покупку печатной продукции. Но кто же удержится от соблазна? Тем более что местные жители охотно рассказывают приезжим о том, каким волшебным образом исполнились мечты счастливчиков, и советуют непременно зайти в ротонду благодарностей.

Это большая закрытая веранда, ее стены густо утыканы круглыми розетками с бантами, наподобие тех, что раздают победителям собачьих и кошачьих выставок. Их водружают те, чьи желания исполнились. Да, да, если вам повезло, нужно приехать в Беркутов и сказать «спасибо». Зачем тратить время на еще одно посещение городка? Объяснение простое. Все, кто жаждет исполнения желаний, непременно совершенно бесплатно берут у входа во двор фото

Богдановой, на оборотной стороне которого напечатан такой текст: «Просьба, высказанная от чистого сердца, всегда будет услышана. Хороший, добрый человек получит награду, злой и жадный окажется наказан. Не проси чужого мужа, не призывай смерть родственника ради наследства, не мечтай заполучить должность другого. Зло вернется к тебе и собьет с ног. Проси любви, удачи, здоровья близким, будь добр к людям, пожелай всем счастья, и оно придет к тебе. Молись за своих врагов, зло уходит при виде добра. Никогда не жадничай. Поделись с теми, у кого ничего нет. Отдашь копейку, через некоторое время она вернется к тебе сотней. Купи розетку для ротонды благодарностей, все вырученные средства идут в фонд детского отделения больницы».

Здесь же стоят большие опечатанные ящики, куда надо опустить конверт с пожертвованием. Сколько отстегнуть? Как вам велит совесть и позволяет кошелек, но хоть червонец, да бросить надо. Ходят слухи, что некоторые очень богатые и знаменитые люди жертвуют миллионы. Так уж устроен человек – он полагает, что можно откупиться от неприятностей. Куда идут деньги? В основном, на оснащение больницы. Там сейчас есть современная диагностическая аппаратура, сделан прекрасный ремонт и даже работает общежитие для родственников больных детей.

Как правило, паломник прибывает на несколько дней. Он может остановиться в одной из местных гостиниц, но, во-первых, чаще всего там нет мест, а во-вторых, номера дорогие. Зато местные жители охотно предоставят приезжему койку за вполне приемлемые деньги, расскажут легенды о Богдановой, накормят-напоят.

Ранее в Беркутове существовала оппозиция в лице Ивана Сергеевича Лапина, полковника в отставке, который иногда устраивал демонстрации протеста. Лапин маршировал перед воротами двора, куда стекаются паломники, с транспарантом «Верните в Беркутов тишину». Обычно акция длилась около четверти часа, потом к мужчине подкатывали полицейские. С укоризной сказав: «Ну как вам не надоест…» – они отнимали у бывшего вояки щит с надписью и отправляли Лапина домой.

Никто из окружения Богдановой не реагировал на выходки Ивана Сергеевича.

А потом произошла трагедия. К отставному полковнику на лето из Москвы привезли внучку лет шести-семи. Девочка побежала в лес и нашла там милого ежика. Он оказался на удивление приветливым, разрешил погладить себя и даже взять в руки. Малышка играла с ежом долго, а потом тот вдруг укусил

ребенка. Дедушка не счел происшествие серьезным, помазал ранку йодом, залепил пластырем и на том успокоился. Но через несколько дней внучка Лапина умерла от бешенства, заразившись им от того ежа.

В Беркутове моментально начали говорить, что все зло, которое полковник направлял на Ирину, отскочило от сильной энергетической защиты художницы и вернулось к нему в удесятеренном виде. И вообще, на Богданову можно смотреть, лишь испытывая к ней любовь и почтение, иначе будет как с Лапиным – сам останешься жив, но лишишься наиболее дорогого в своей жизни.

Теперь у Ирины недругов в городе нет, все демонстрируют при ее виде восторг, но, на всякий случай, на глаза художнице не показываются. Одна Силантьева, недовольная тем, что мимо ее избы порой пытаются прошмыгнуть заблудившиеся паломники, вредничает и посылает приезжих на другой конец города.

– Та самая бабушка, что направила меня к вам? – спросила я у рассказчицы.

Светлана кивнула.

– Ага. Это на сегодняшний день ее метод борьбы. На Октябрьской улице трубы чинят, вот и поставили заборчик, чтобы народ в яму не падал, проход сузился, все мимо избушки Силантьевой и пропихиваются. А Раиса Кузьминична у окошка день-деньской сидит, делать-то ей нечего, ни детей, ни внуков у нее нет. Если кто из местных надумает пройти, она просто матерится, а ежели постороннего видит, отсылает несчастного в противоположную сторону, как вас, например. На самом деле надо было чуть вперед продвинуться, а там уже попадете на дорогу к Ирине. Вы повернули с шоссе направо в первый переулок, а следовало во второй. Ох, нарвется бабка Раиса, даст ей кто-нибудь за такие фортели в глаз! Старуха совсем обнаглела, рассчитывает, что люди, узнав, как их обманули, назад не придут. Но рано или поздно встретится неленивый человек, и несдобровать ей тогда. Сама-то она злопамятная, как крыса. Знаете, почему Силантьева именно адрес магазина назвала?

Я заинтересованно взглянула на собеседницу.

– Недавно бабка спрашивает меня: «Свет, почем у тебя шпалы в шоколаде?» Я ей вежливо ответила, а та давай гудеть: «Дорого очень, сделай скидку, сбрось

червонец». А как же я могу цену скостить? Магазин не мой, я лишь товар отпускаю. Не нравится стоимость, не покупай! Раиса обиделась и теперь всех паломников сюда направляет, имя мое им говорит. Ну и кто она после этого? Кстати, я ведь как раз у нее квартирую, в сараюшке живу, так что повадки старухи хорошо знаю. Жутко вредная!

– Вы торгуете шпалами в шоколаде? – изумленно спросила я.

– Ага, – кивнула Светлана и показала пальцем на витрину.

Я перевела взгляд, увидела стеклянные вазочки, набитые печеньем, и прочитала ценники: «Шпалы в шоколаде», «Принцесса со вкусом лимона», «Щенок с вареньем». Из груди вырвался невольный вздох. Да уж, ничего не скажешь, очень удачные названия для кондитерских изделий. И, конечно, написаны они были без кавычек.

Глава 3

На обратном пути к улице Октябрьской я заметила обшитый сайдингом симпатичный домик с бело-красной вывеской «Маленький Милан» и решила попить кофе. Из Москвы мне пришлось выехать рано, завтракать в семь утра не хотелось, зато сейчас, когда стрелки часов подобрались к одиннадцати, аппетит разгулялся жуткий.

– На улице сядете или внутрь войдете? – приветливо спросила полная женщина в крохотном передничке. – Мы как раз сегодня террасу открыли. Хотя вроде дождик собирается. Апрель на дворе, а весна не очень к нам спешит.

– В Подмосковье часто и июнь холодный, – подхватила я тему беседы и двинулась за официанткой в глубь небольшого помещения.

Кофе принесли быстро, он оказался на удивление вкусным, и бармен не поленился нарисовать на плотной белой пене капучино шоколадную бабочку. Булочки с корицей были свежими и вкусными. Я быстро проглотила одну, принялась за вторую и – вздрогнула. Чуть поодаль от меня за столом, где под

большим фикусом спиной к залу сидели мужчина и женщина, разгорался скандал.

– За каким чертом нам понадобилась писательница? – неожиданно громко спросил мужчина.

– Она из Москвы, – нелогично ответила дама.

– Да хоть из Антарктиды! – повысил голос ее спутник. – Что за дурацкая идея? Станет шнырять повсюду, нос везде совать. Макса в последнее время заносит!

– Володя, тише, – попросила собеседница.

– Что я не так сказал? – взвился Владимир. – Нам бульварные писаки не нужны! Раньше не требовались, а теперь и подавно!

– Володя, не ори, – с укоризной покачала головой женщина, – мы же в кафе.

– И где только Макс эту романистку раздобыл? – не успокаивался Владимир. – Варя, не молчи. Ты все ходы Буркина знаешь, что ему на ум взбрело?

– Максим тут ни при чем, – спокойно пояснила собеседница. – Его попросил один депутат, большой человек. Такому отказать – себе навредить. Тот позвонил Максиму Антоновичу и сказал: «Приголубь писательницу Арину Виолову. Раньше она работала в жанре детектива, а теперь хочет обратиться к теме любви, меняет направление творчества».

– Понятненько… – зло сказал Владимир. – Не получилось у бабенки добиться славы и денег на стезе криминального жанра, решила строчить эротику. Не Лев Толстой к нам едет и не Пушкин!

– Ты не понял? Арина Виолова женщина, – совсем тихо произнесла Варя. – У нее по сюжету главная героиня мчится в Беркутов к Богдановой. Виолова очень трепетно относится к деталям, и ей захотелось самой побывать у художницы, собрать материал. Макса попросили оказать литераторше почет и уважение. А тебе лучше не пить коньяк, ты даже от запаха алкоголя становишься невыносим.

– Ненавижу журналистов, – буркнул Владимир.

– Арина прозаик, – терпеливо напомнила Варвара. – Говорят, она милая, воспитанная женщина. Ира станет одной из героинь ее книги. Произведения Виоловой хорошо продаются, будет нам бесплатная реклама.

– Абсолютно тупая, глупая идея, – забубнил Владимир. – Не нужны нам знаменитости, возникнут большие проблемы. Почему ты не объяснила Максу? Он просто идиот!

– Господи… – вздохнула Варя. – Ну зачем ты коньяк пил?

– Всего сорок граммов, это не доза, – огрызнулся ее собеседник.

– Тебе и десяти хватит, чтобы с катушек слететь, сам же знаешь, как на тебя алкоголь действует. Вместо нормального человека появляется свин. Ох, опять сердце схватило… С утра щемит, надо в больницу на обследование идти.

– Сто раз говорил, тебе нельзя нервничать, – забеспокоился Владимир. – У тебя нехороший диагноз: мерцательная аритмия. Принимай лекарства, веди здоровый образ жизни, и, главное, никаких стрессов!

– Как ты мне надоел! – в сердцах воскликнула женщина.

– Ну так я пошел, – оскорбился Владимир.

– Куда? – живо поинтересовалась его спутница.

– Чего ради ты интересуешься планами надоеды? – с вызовом спросил он.

– Володя, не дуйся, – «завиляла хвостом» женщина. – Максим Антонович не мог отказать депутату, у того и мать, и жена – фанатки Виоловой. Что плохого случится? Ну, пробудет она в городе дня два, ей быстро тут наскучит. Не гони волну попусту.

– Беспокойно мне, – неожиданно признался ее собеседник, – сам не пойму почему. Виолова ВИП-гость?

– Конечно, – кивнула Варя, – номер ей заказан у Оскара.

– Обед со всеми, ужин тоже? – предположил Владимир. – Экскурсия по местам произрастания капусты?

– Как ты мне надоел! – повторила его собеседница. – Не смей называть сад и ротонду огородом с капустой!

Он засмеялся.

– А что это такое? Растет, цветет зеленая капусточка… колосится, колосится урожай…

– Уймись! – в сердцах бросила Варя. – Угораздило же тебя рюмку пропустить!

– Тише, дорогая, мы в кафе, – мгновенно отреагировал Владимир. – Или ты только от меня требуешь спокойствия, а самой можно орать и возмущаться? Помни о своей мерцательной аритмии, это не шутка.

Женщина резко отодвинула стул, встала и сделала шаг в сторону столика, где сидела я, делавшая вид, что полностью поглощена игрой «Сердитые птички» в айпаде.

– «Исполнялку» своей Виоловой тоже организуете? – вкрадчиво осведомился Владимир.

Варвара резко остановилась и налетела на мой столик. Я к тому моменту успела заказать еще и латте, и высокий бокал на тонкой ножке пошатнулся и опрокинулся. Светло-коричневая жидкость потекла по скатерти, я едва успела схватить айпад.

Варвара долю секунды обозревала сотворенное безобразие, потом, вместо того чтобы принести мне извинения, вздернула подбородок и зло буркнула:

– Новую порцию пойла вам купит мой спутник!

Потом она ринулась к двери и исчезла на улице. Ее собеседник тоже направился к выходу, возмущаясь на ходу:

– И не подумаю ничего покупать! Сидел себе тихо, это Варя безобразие устроила!

– Сейчас принесу новый кофеек за счет заведения, – засуетилась официантка, – никаких проблем.

– Прекрасно! Молодец, Нина, хвалю! – гаркнул Владимир и скрылся.

– Кто это? – спросила я, когда Нина, быстро поменяв скатерть, поставила на столик новую порцию латте.

– Владимир Яковлевич Обоев, – вздохнула официантка, – главврач больницы. Клиника находится на выезде из Беркутова, тут рядом. Обоев у меня порой завтракает. С ним сидела Варвара Сердюкова, жена Игоря Львовича, который раньше был нашим главным милиционером, а теперь служит у Максима Антоновича, мэра, помощником.

– Обоев доктор? – удивилась я. – Не хотелось бы к такому грубияну на прием попасть.

Нина сложила руки поверх фартука.

– Владимир Яковлевич хороший специалист и прекрасный организатор, в нашу клинику сейчас со всей области едут, там очень сильное детское отделение. На него все родители молятся. Обоев хирург от бога, такие тонкие операции делает, что даже безнадежные больные на ноги встают. Но у Владимира Яковлевича беда с алкоголем. Так-то он тихий, слова лишнего не скажет, но стоит глотнуть спиртного, несет его по кочкам. Только не подумайте, что он пьянчужка, врач к рюмке редко прикладывается, в основном от волнения может выпить. Сегодня граммульку глотнул, и готово, сразу превратился в хама. Наверное…

Нина примолкла, и я выжидательно посмотрела на нее. Официантка, понизив голос, продолжила:

– Наверное, он опять с женой поцапался. Беркутов городок небольшой, тут все друг про дружку правду знают. Люда Обоева запойная, каждый день в Москву катается. Месяц назад Владимир Яковлевич даже ее машину сжег, представляете? Вот до чего баба мужика довела. Доктор небось уж сто раз пожалел о том, что не сдержался, психанул. Придется ему новую легковушку Люде приобретать.

– Женщине, страдающей алкоголизмом, нельзя садиться за руль, – покачала я головой. – Конечно, уничтожать автомобиль не совсем правильный шаг, но…

– С чего вы взяли про алкоголизм? – удивилась Нина. – Людка даже пива не пьет.

Настал мой черед удивляться.

– Сами минуту назад сказали, что супруга Обоева запойная.

– Верно, но не по водке, а по шмоткам, – уточнила Нина. – Болезнь у нее – покупки безостановочно делает. Едет в Москву и там по магазинам шныряет. Туда с пустыми руками, назад с пакетами. Я чужие деньги считать не люблю, но, думаю, Обоев неплохо зарабатывает, да только с такой женой никаких средств не хватит. Никто не видел, чтобы Люда два раза одно платье надела, каждый день в другом. Да еще ладно бы юбки с блузками, но она и обувь меняет, и сумки, и куртки, и пальто. Шопоголизм – вот как ее болезнь называется. Полагаю, Людмила сегодня утром на электричке в ГУМ да ЦУМ укатила, а Обоев занервничал. Пришел кофе выпить и велел мне: «Неси порцию коньяка». Точно Людка в столицу рванула, потому Владимир Яковлевич и разозлился. Да оно и понятно: сколько он ни заработает, все непутевая бабенка меж пальцев пускает. Не успел Обоев рюмашку опрокинуть, Варя зашла, она очень мой латте любит.

– Странно, что он не разведется с такой особой, – изумилась я.

Нина развела руками.

– Все, как вы, говорят, люди удивляются. Да видно, что-то их связывает. Скорей всего, постель, больше ничего в голову не приходит. Хозяйка Люда дрянная, нигде не работает. Она писательница, роман ваяет.

– Да ну? – заинтересовалась я. – И под какой же фамилией Людмила издается?

Официантка захихикала.

– Хороший вопрос. Людка свое произведение не первый год пишет, все закончить не может. Честное слово, мне доктора жаль. Я на него за то, что он тут нахамил, не сержусь, понимаю – бедняге тяжело. Иначе с чего ему утром коньяк пить?

Глава 4

Во двор дома Ирины Богдановой я прошла беспрепятственно. И мне сразу стало понятно, почему люди называют это место Лукоморьем. Здание, возле которого я сейчас стояла, походило на сказочный теремок, а в саду не хватало лишь дуба и ученого кота на золотой цепи. Я посмотрела на толпу тихо разговаривающих людей и достала мобильный.

– Здравствуйте, Игорь Львович, вас беспокоит Виола Тараканова, то есть писательница Арина Виолова. Я приехала, но не знаю, как войти в особняк, перед ним большое количество народа.

– Надеюсь, вас не затруднит обойти здание слева, – зачастил мужской голос из трубки, – там в заборе есть калиточка с домофоном, а я уже бегу.

Мне понадобилась пара минут, чтобы добраться до места, и я увидела Игоря Львовича, полного брюнета в дорогом костюме.

– Здравствуйте, рад встрече, – со скоростью пулеметной очереди выпалил он, – как доехали… рад, что добрались… прекрасная погода… пройдемте сюда… осторожно, тут ступеньки… давайте куртку, присаживайтесь в гостиной… сейчас Максим Антонович подойдет, извините, он интервью телевизионщикам дает… чай, кофе… располагайтесь, как дома, сейчас я вернусь, не скучайте…

Так и не дав мне вставить словечка, Игорь Львович развернулся и с неожиданной для толстяка прытью исчез в коридоре. Я осталась одна и стала

осматриваться.

Уютно обставленная в английском стиле комната имела эркер. Одна стена небольшого помещения была заставлена книжными шкафами. За стеклами виднелись собрания сочинений русских и зарубежных классиков, все в дорогих переплетах. Судя по состоянию корешков, к книгам никто не прикасался. Напротив стоял огромный кожаный диван с маленькими столиками по бокам, на них были водружены вазы с композициями из сухих цветов. Я не люблю чучела животных и мумифицированные растения, поэтому не села на диван, а прошла в эркер и устроилась в одном из двух кресел, тоже разделенных столиком. На нем лежал роман Милады Смоляковой в сильно потертой обложке.

Я покосилась на книжку и подавила вздох. Везде Милада! Интересно, что происходит с произведениями Арины Виоловой? Я редко вижу людей со своими книгами в руках. Может, мои детективы отправляют в районы Сибири и Дальнего Востока, где они служат альтернативным топливом для котельных?

– Катастрофа! – вдруг отчетливо произнес невдалеке смутно знакомый голос. – Катастрофа!

– Не стоит поддаваться панике, – ответил красиво окрашенный тенор.

– Ты идиот? – закричал первый мужчина. – Не понял? Ее нет!

– Спокойствие, только спокойствие, истерикой делу не поможешь, – откликнулся второй собеседник.

Я повернула голову, увидела, что одно из больших окон чуть приоткрыто, и поняла: в соседнем помещении невидимые мне люди, уверенные в том, что их никто не слышит, ведут беседу.

– Ее нет, – нервно повторил первый мужчина. – Нет! Мы погибли!

– Где Максим Антонович? – вмешался в разговор баритон Игоря Львовича. – Приехала Арина Виолова. Нам надо срочно решать проблему.

– Приперлась! – выпалил тот, кто только что говорил о гибели.

– Владимир Яковлевич, – укоризненно произнес тенор, – возьми себя в руки.

– Катастрофа! Кошмар! – пошел вразнос его собеседник.

Я сидела, боясь пошевелиться. Конечно, подслушивать чужую беседу некрасиво. Но, во-первых, речь шла обо мне, а во-вторых, у меня есть задание, которое необходимо выполнить. Да, да, я прибыла в особняк Ирины Богдановой под своим настоящим именем, в качестве писательницы. Я никого не обманываю, не прикидываюсь другим человеком и, вероятно, потом напишу книгу, в которую включу сюжет про художницу, но основная моя цель вовсе не сбор материала для романа. Я шпион, которому нужно разузнать кое-какую информацию. А бойцу невидимого фронта лучше забыть о хорошем воспитании. Наоборот, ему надо отрастить длинные уши и не стесняться их использовать. Сейчас я стала незримым свидетелем беседы главврача Обоева, какого-то мужчины и Игоря Львовича. Владимир Яковлевич, выскочив из кафе, успел добраться до дома Богдановой значительно раньше меня, неторопливо вкушавшей латте и болтавшей с официанткой. Интересно, что произошло? Почему врач находится в состоянии истерики и твердит о катастрофе?

Послышался звук шагов.

– Что случилось? – спросил новый, тоже мужской голос.

– Ее нет! – гаркнул Обоев. – Она ушла от нас! Максим, ты понял?

Так, так, новый собеседник не кто иной, как мэр, подумала я.

– Кто ушел? Куда? – не сообразил Буркин.

– Туда! – в рифму ответил Обоев. – Что делать? Да еще Виолова приехала!

– Кто-нибудь объяснит мне, что стряслось? – повысил голос градоначальник. – Вадим, Игорь! Почему Володя в панике, а?

– Идите сюда, – сказал человек, который беседовал с Обоевым до появления Игоря Львовича и которого, судя по всему, звали Вадимом, – я виски налил.

– Звоним тебе, Макс, а ты трубку не берешь, – с упреком произнес Игорь Львович.

Очевидно, компания отошла в глубь комнаты, потому что я перестала различать слова, до моего слуха долетал лишь невнятный бубнеж. Затем вновь раздался визгливый голос главврача:

– За каким хреном ты связался с бабой, строчащей низкопробные книжонки?

– Молчать! – приказал Максим Антонович. – Слушать меня! Сто раз повторял: литераторшу прислал Корсаков, а ему отказать нельзя. Да и просьба Бориса Ивановича показалась мне пустяковой: Виолова, любимый автор женщин его семьи, хочет поговорить с Ириной, собралась сделать Богданову героиней своей новой книги. Теперь найдите хоть одну причину отказать депутату, а? Молчите? И правильно, сказать тут нечего. Виолова прибыла на пару дней, ей необходимо обеспечить комфорт, любовь и ласку. Баба поселится у Оскара. Марта будет перед ней приседать, кланяться, везде ее водить, отвечать на вопросы гостьи. А для начала сделаем ей «исполнялку», авось Виолова сразу уедет.

– Как? – нервно спросил Игорь. – Как?

– Машина, – непонятно для меня ответил мэр. – Вы совсем потеряли голову? Это что, в первый раз?

– Нет, – нестройным хором ответили остальные участники беседы.

– У нас уже есть опыт достойного выхода из форс-мажора. Применим его вновь. Не вижу повода для истерик, – спокойно заявил хозяин Беркутова.

– Тогда у нас Люда была, – пробормотал Владимир Яковлевич. – А теперь кто?

– К вечеру решу эту задачу, – пообещал Максим Буркин. – Ну, пришли в себя? Отлично. Народ на улице нас не волнует, там все, как обычно. Основная проблема – приезд Виоловой. Предупредите Оскара, что сия госпожа самый важный ВИП-гость. Пусть он Федору прикажет расстараться.

– Оскар идиот, – проворчал Игорь Львович.

Максим Антонович не стал возражать:

– Верно, но у него лучший отель в городе. Понятен мой план? Немедленно отправляйте к Виоловой Марту. «Исполнялка» в машине. Если писательница сразу не уедет, то тогда – обед, прогулка, а вечером встреча с Ириной.

– Если ты ее устроишь, – протянул Игорь Львович.

– До захода солнца еще далеко, – оптимистично откликнулся мэр. – Где сейчас госпожа Тараканова?

– В маленькой гостиной, – ответил Сердюков.

– Очень нехорошо оставлять московскую даму одну, – упрекнул Игоря глава Беркутова, – немедленно пришли к ней Марту. А где Людмила?

– Пока дома, – буркнул Владимир Яковлевич.

– Замок людоеда – лучшее место! – опять же непонятно для меня воскликнул Игорь.

– Глупая идея, мне она не нравится, – сказал Максим Антонович. – Зачем туда? Разве нам есть что скрывать? Володя, тебе надо отдохнуть. Не нервничай, все проблемы решаемы. А еще…

Конца фразы я не услышала, речь мэра прервал громкий стук – похоже, теплая компания вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Я встала, на всякий случай пересела на диван и принялась анализировать услышанное. Приезд литераторши Виоловой, похоже, никого не обрадовал. В окружении художницы случилась какая-то неприятность, вот только мне неясно, что произошло. Сначала я подумала, что от Владимира Яковлевича в очередной раз удрала жена, страстная шопоголичка – Обоев с отчаянием произнес: «Ее нет». Но в конце разговора прозвучало, что Людмила дома…

– Простите за ожидание, – зачирикал мелодичный голос, вырвавший меня из размышлений.

Я повернула голову на звук. В гостиную совершенно неслышно, словно мышка, вошла симпатичная женщина лет сорока. К груди она прижимала мою новую книгу.

– Меня зовут Марта, – представилась незнакомка. – Извините, что не сразу прибежала. Но вы сами виноваты – не надо так интересно писать! Я начала читать и не могла оторваться. Сердюков что-то бубнит, а я отмахиваюсь: «Отстаньте, дайте Виолову дочитать, три странички осталось, сейчас узнаю наконец, кто убийца». Игорь Львович меня за плечо потряс: «Иди в гостиную, там сама Арина сидит, у нее и спросишь про киллера».

Марта весело рассмеялась.

– Здорово вышло! Дадите мне автограф?

Я взяла у нее свою совершенно новую книгу. Хорошая мизансцена, и разыграна она вполне убедительно, вот только… первые-то страницы томика слиплись, к ним явно никто не прикасался.

Надо отдать должное женщине – едва я открыла книгу, как Марта поняла свою оплошность и ловко выкрутилась из создавшегося положения:

– Этот томик я специально приобрела. Вчера съездила на станцию, там ларек стоит. Как узнала, что вы в гости прибудете, обрадовалась, понеслась за новым экземпляром, где автору расписаться не стыдно. Тот, что я читаю, постеснялась вам дать, страницы до дыр затерты. У нас, знаете, как: сначала я в ваш роман вцепляюсь, потом его подруги берут, соседи, и когда назад ко мне детектив возвращается, он как будто на войне побывал, переплет изолентой проклеен. Не скотчем, а синей такой штукой, она прочнее. А вот этот с вашей подписью я никому не дам, поставлю под стекло, на видное место. Сейчас ручку найду…

Марта кинулась к столику, увидела книжку Смоляковой, ловким движением отправила ее на пол, носком туфли запихнула под кресло и покосилась на меня.

Я сделала вид, что не заметила ее маневра, открыла сумочку и сообщила:

– Не беспокойтесь, ручка всегда со мной.

– Ой, какая вы милая! – захлопала в ладоши Марта. – Теперь все обзавидуются.

– Мне нетрудно дать автограф тем, кто просит, – улыбнулась я.

– Все равно мне первой он в Беркутове достался, – бурно радовалась Марта. – Ни у кого пока нет, а у меня есть! Максим Антонович очень расстроился, что не смог приехать. У него сейчас совещание, потом пара деловых встреч. Увы и ах, господин Буркин еще на работе, но вечером он непременно встретится с вами за ужином. Давайте я вас провожу в гостиницу «Золотой дворец», лучшую не только в Беркутове, но и во всем районе. Думаю, даже в Москве трудно найти равную ей. Хозяин отеля, Оскар, удивительный молодец. Вы устроитесь, примете с дороги ванну, отдохнете, а потом я за вами забегу, мы посмотрим некоторые достопримечательности Беркутова и отправимся на ужин к Максиму Антоновичу.

Я внимательно слушала Марту. Да, похоже, здесь у них произошла крупная неприятность. В противном случае Игорь Львович догадался бы договориться с Мартой, они бы врали одинаково. Но Сердюков сказал мне об интервью, которое мэр сейчас дает журналистам с телекамерами, а Марта щебечет про то, как Буркин не щадит своего живота на службе. Нужно ли мне вслух удивиться нестыковке? Нет, лучше промолчу. Марта сумеет вывернуться, заморгает и скажет что-нибудь вроде: «Ой, вы неправильно его поняли! Игорь Львович имел в виду, что Максим Антонович находится в студии». А я после своего замечания заработаю репутацию излишне внимательной к деталям особы. Пусть уж лучше меня считают недалекой. В присутствии умницы хозяева будут следить за каждым своим словом, а при дуре расслабятся. Что мне, при моем шпионском задании, будет только на руку.

– Замечательная программа, – кивнула я, – но мне в первую очередь хочется побеседовать с Ириной Богдановой.

Марта округлила глаза.

– Ирочка не простой человек, зависимый от своего настроения. Если Богданова в хорошем расположении духа, она очень милая, но если не с той ноги встала, тушите свечи. Недавно к нам сам Телегин приезжал. Вы же знаете, кто это? Открывал у нас в городе детскую библиотеку. Максим Антонович за неделю до появления высокого гостя начал с Ирочкой разговоры вести. Просил ее: «Дорогая, пожалуйста, пообщайся с Василием Петровичем. Он олигарх, меценат,

благодетель, дал нам денег на библиотеку для ребят при клинике. Нарисуй «исполнялку» для его дочери, она с отцом прибудет». Мы так Ирининых волшебные картинки зовем – «исполнялки». А Ира в ответ: «Я не умею по заказу творить. Потянется мое сердце к Телегиной или отвергнет ее, не знаю. Важно, чтобы человек был с чистой душой. Лучше я в доме посижу, принимай Телегиных один». И все! Даже не высунулась, когда богач прибыл. Бедный Максим Антонович! Уж он перед Василием Петровичем и Ксенией извинялся, дескать, Ирина грипп подцепила, лежит с температурой. Так они и уехали, не удалось им с Богдановой словечком перекинуться. Стоило автомобилю за ворота выехать, Ирина во двор вышла и давай паломникам «исполнялки» рисовать. Два часа с простыми людьми общалась! Погода ужасная, с неба морось сыплет, холодно, а она рисует. Ирочка сама себе не хозяйка, ею талант руководит.

– Полагаете, Богданова не пожелает увидеться со мной? – в лоб спросила я.

– Ира вас очень уважает, – пылко заверила Марта, – думаю, встретитесь с ней за ужином. Пошли в отель?

Я решила вступить в игру.

– С удовольствием приму душ.

Чтобы попасть в отель «Золотой дворец», нам не пришлось потратить много времени – гостиница находилась в паре минут ходьбы от особняка мэра.

– Оскар! – закричала Марта, едва мы вошли в темное помещение, задрапированное темно-бордовым бархатом. – Оскар! Ты где?

Из-под стойки рецепшен поднялся худой мужчина в черном костюме.

– Марта, ты не на вокзале, – укоризненно сказал он, – не стоит пугать окружающих боевым кличем.

– Привет, Федя, – бросила моя сопровождающая. – Где Оскар?

– Отошел по крайне важным делам, – с достоинством произнес Федор, – вернется в течение часа, ну, может, двух-трех. Или завтра. В общем, скоро.

– Я привела вам гостью, – замурлыкала Марта.

Федор вздернул бровь.

– С глубочайшим сожалением и искренним прискорбием должен сообщить: отель переполнен, нет ни одной свободной комнаты. Даже незаселяемый резерв использован.

– Федя, – торжественно заговорила Марта, – ты видишь перед собой писательницу Арину Виолову. Ей забронирован президентский люкс.

Федор вперил взор в монитор компьютера и замер, как ящерица, которая решила избежать встречи с врагом.

– Эй, ау! – окликнула его спустя минуту Марта. – Федор, ты с нами?

– Рад приветствовать вас в отеле «Золотой дворец», – ожил портье, – но, к моему глубочайшему сожалению, в служебной инструкции в графе «президентский номер» указано: никого не размещать. Данные апартаменты предназначены исключительно для президентов.

– И много глав государств у вас останавливалось за последние пять лет? – хихикнула Марта.

– Ни одного, – честно признался Федор, – но если вдруг руководитель какой-нибудь страны приедет, я обязан предоставить ему именно этот номер.

– Немедленно звони Оскару, – зашипела Марта.

– Он приказал его не беспокоить, – уперся портье.

– Сию секунду бери телефон! – приказала моя сопровождающая.

– Под твою ответственность, – прогудел портье и поднес трубку к уху.

Глава 5

По мере того как хозяин общался со служащим, на лице последнего расцветала улыбка. В конце концов Федя осторожно водрузил трубку на подставку, откашлялся и произнес:

– Приветствую вас в лучшем отеле Беркутова «Золотой дворец». Наши правила требуют предъявления основного документа гражданина и заполнения небольшой анкеты. Деар гестс! Ай хепиинг…

– Можешь не стараться, – остановила его Марта. – Где бумажки, которые надо заполнить?

– …ту ю сиа хотел, – продолжал вещать портье, – ту… ю сиа… э… хотел «Голден пэлэс». Ай вонт… ту ю… Нет, пардоньте. Ай вонт сиа ту ю ту рашен хотел «Голден пэлэс» энд…

Марта хлопнула ладонью по стойке.

– Федор!

– Энд пиггс пикчерс! – выпалил портье.

Потом он вытер ладонью лоб и заорал:

– Марта, не мешай! Я обязан совершить торжественную церемонию приема гостя президентского номера. Ты сбиваешь меня с мысли.

– Гостья русская, – засмеялась Марта, – твой суржик инглиш не нужен!

Федя моргнул, нагнулся под стойку, вытащил круглый поднос, сдул с него пыль и подсунул мне его под нос со словами:

– Плиз ваш паспорт сюда покласть.

Я, стараясь не расхохотаться, достала из сумки бордовую книжечку.

– Дорогие гости отеля «Золотой дворец»! – громогласно возвестил Федор. – Пока главный портье, он же управляющий, лично оформит ваше пребывание в «Золотом дворце», примите участие в торжествах отеля по случаю вашего прибытия. Деар хер президентс энд президентс вумен! Ай вонт…

– Давай по-русски, – сквозь зубы процедила Марта, – мы не из Америки!

Федор ткнул пальцем в кнопку, послышался звон. Занавеска за спиной администратора чуть раздвинулась, и в щели появилась всклокоченная голова. Она со вкусом зевнула и спросила:

– Чего надо?

– Иван, ситуация номер один, – произнес Федя, – встреча президента.

– Офигел, да? – проныла башка. – Нашел, когда учения устраивать! Я тока-тока со смены, домой даже не пошел, в кладовке лег. У тебя совесть есть? Сам медведем пляши.

– Иван, заезд в президентский номер! – грозно завопил Федор. – По-настоящему! Вот паспорт. Ваня, очнись!

– У ё! – взвизгнула башка и пропала из вида.

Федор приосанился и дернул за черный рычажок, торчащий из стены. Послышалось шипение, затем раздалось потрескивание и полилась песня:

– Очи черные, очи страстные, очи жгучие и прекрасные…

Сбоку от рецепшен разошлись в разные стороны другие портьеры из пыльного бархата, и пред нашими очами появился медведь, одетый в красную косоворотку и ярко-синие шаровары. В руках Михайло Потапыч держал поднос, расписанный под хохлому, на нем возвышался каравай, сверху стояла солонка, сбоку примостилась рюмка с прозрачной жидкостью.

– Как люблю я вас, как боюсь я вас… – соловьем заливался магнитофон.

Топтыгин упер одну лапу в бедро, другой с трудом удержал ношу и попытался сделать подобие танцевального движения, которое народ называет «ковырялочкой».

Я сдвинула брови и изо всех сил старалась сохранить на лице серьезное выражение. В «Золотой дворец» до сих пор не заглядывали президенты, но предусмотрительный владелец отеля приготовил целое шоу на тот случай, если какой-нибудь глава государства, проезжая мимо Беркутова на электричке, решит переночевать в городке. Очевидно, персонал отеля прилежно репетирует выступление, но, как водится, форс-мажор случился форс-мажорно. Иван спросонья смог-таки быстро влезть в костюм медведя, но про сапоги благополучно забыл. Топтыгин выглядел как настоящий, впечатление слегка портили широкие грязные ступни с пятью пальцами, определенно принадлежавшие человеку, не знающему слово «педикюр».

– Знать, увидел вас я в недобрый час… – гремело из динамика.

На мой взгляд, этот текст не очень подходит для встречи президента, но медведь весьма усердно стучал босыми пятками об пол.

Внезапно голос стих. Медведь шагнул вперед, вытянул лапы, начал кланяться и заныл:

– Пей до дна, пей до дна… С приездом в город Беркутов! Желаю вам… фу, черт, извиняйте. Ща! Ай донт ноу вау хау, итс май лав ту ю фром рашен пиплз эндс вумен. Энд чилдренс.

Марта прикрыла глаза ладонью и начала издавать квакающие звуки.

– Церемония встречи подошла к концу, – объявил Федор. – Проследуйте, плиз, в номер. Первый этаж, апартаменты зеро «а».

– Дорогая Арина, не хотите прогуляться? – внезапно спросила Марта, поглядывая в небольшое окно. – Еще успеете насидеться в номере.

Я удивилась. Похоже, моя провожатая увидела на улице нечто, заставившее ее резко изменить первоначальные планы. Интересно, что именно? Мне была

обещана ванна, отдых в тишине, и вдруг – предложение прогуляться. С чего бы?

– Где ваши вещи? – засуетилась Марта.

– В машине, – ответила я, тоже косясь в окно, – чемодан в багажнике.

Большая черная иномарка с наглухо затонированными стеклами медленно проехала по дороге мимо отеля и исчезла.

– Отличненько, – не скрыла радости Марта, – пошли. Начнем экскурсию с Центральной площади. Там находится самое старое здание Беркутова, возведенное в тысяча пятьсот сорок пятом году.

Я опустила голову. Ничего себе заявленьице. Сильно сомневаюсь, что в те времена Беркутов существовал.

– Вас смутила дата? – засмеялась Марта, вытаскивая меня на улицу. – Существует местная легенда, повествующая о великане, который поставил тут в лесу свой замок.

– Людоед? – уточнила я.

Марта кивнула.

– Верно. Он обитал в каменном здании, развалины которого сохранились на левой стороне в еловом лесу. Скажу честно, место крайне неприятное. Во время Второй мировой войны Беркутов был оккупирован фашистами. Захватчики пробыли здесь недолго, их прогнала Советская Армия, но наделать черных дел успели – часть местных жителей расстреляли в замке людоеда. Там есть колодец, в него и скинули тела погибших. С той поры беркутовцы стараются не ходить в лес. Однако легенда про великана существует и поныне, ее рассказывают из поколения в поколение. И, ясное дело, детям хочется посмотреть на место его обитания. Я родилась спустя много лет после Победы, война на тот момент, когда мне исполнилось десять, не воспринималась уже как трагедия, скорее как сказка про храбрых советских воинов. Удивительное дело, но местные старики не любили разговоров про борьбу с фашизмом. В анкетах тех лет был вопрос: находились ли вы или ваши ближайшие родственники в зоне

оккупации немецко-фашистских войск. Жителям Беркутова приходилось отвечать «да», что очень усложняло их жизнь. Я не в курсе событий военных лет, но слышала, что кое-кто из местных сразу записался в полицаи, помогал фашистам ловить несуществующих партизан. Вроде прадедушка Оскара, Иозеф Крафт, вспомнил, что он этнический немец, и поспешил к коменданту, чтобы донести на своего соседа Андрея Пивоварова. Того расстреляли, а Иозефу отдали дом и участок убитого. Прабабка Пивоваровых всегда плевала на ворота Крафтов, проходя мимо, это даже я помню. Но сейчас эта история бурьяном поросла. А вот про людоеда охотно рассказывали. Понятно, что дети бегали в лес – смотреть на развалины. Не знаю, кто там ранее жил, но руины реально смахивают на крепость, одна башня хорошо сохранилась. А потом беда случилась: сын Раисы Кузьминичны Силантьевой был найден мертвым, с переломанной шеей, у колодца. На Юру напал маньяк. Вроде преступник уже отсидел срок за похожее преступление – убил какого-то парня. Он вышел на свободу, поехал домой, а по дороге расправился с Силантьевым. Уголовника не поймали. Раиса Кузьминична попала в психушку. Другие родители перепугались и запретили детям ходить в замок людоеда. Но разве подростки послушаются?

– Нет, конечно, – вздохнула я. – Семиклассники самые отчаянные люди на свете, их не остановит ни взбучка отца, ни слезы матери.

Марта остановилась у длинного одноэтажного здания, сложенного из грязно-серого кирпича.

– Правильно. Им хоть кол на голове теши, безобразники все равно порулят куда не надо. И тогда наш директор школы, Степан Николаевич Матвеев, пригласил из Москвы кандидата наук, историка. Матвеев у нас еще заведует музеем, там есть лекторий, народ ходит, слушает, интересные бывают встречи. Приглашенный специалист сделал удивительное заявление. Оказывается, те развалины в лесу – остатки барского дома князей, которые в царские годы всей округой владели. А людоед в древности реально жил. Только не в чаще, а вот тут…

И моя провожатая показала на серый дом.

– Это наш краеведческий музей с очень интересной экспозицией. При нем большой двор. Кандидат наук точно выяснил: в сороковых годах шестнадцатого века великан ютился в избушке, грабил прохожих, а отнятые у них деньги закапывал в своем огороде. На месте дома разбойника спустя столетия

поставили хранилище исторических ценностей, а огород превратился во двор. И где-то там спрятан клад!

– Ну и ну, – засмеялась я, – вот это поворот!

– Сначала никто, как и вы, словам историка не поверил, – серьезно сказала Марта, – но вскоре после лекции москвича один мальчик нашел в саду монету, старинную, очень дорогую. Да, да, ее оценили в хорошую сумму. Родители ребенка, честные люди, отнесли находку сына в музей, и им дали денег, которых хватило на поездку всей семьей в Сочи. И началось!

Марта замолчала.

– Все ребячье население ринулось искать сокровища? – предположила я.

– И взрослые не устояли, – хмыкнула экскурсовод. – Правда, больше никому удача не улыбнулась. Народ всю брусчатку выковырнул, песок просеял. Я сама во дворе музея с совочком и решетом сидела. Взрослые спустя некоторое время поутихли, поняли, что кладом тут и не пахнет, а ребята до сих пор ищут. Директор музея их не гонит, наоборот, привечает. И только недавно мне в голову простая мысль пришла: небось Степан Николаевич где-то раздобыл раритетную денежку и подбросил около музея. Очень уж он хотел, чтобы ребята больше в лес, к башне, не бегали. И добился успеха! Мои дочки к замку ни разу не пошли, зато во дворе музея долго ползали с упоением. Наверняка Матвеев и с историком договорился, попросил его сказочку озвучить, так за подростков беспокоился.

– Интересная байка, – протянула я.

– Обычно мы ее паломникам не озвучиваем, – быстро добавила Марта, – людям рассказывают версию Степана Николаевича, показывают музей, двор, сад. Но вы писатель, вот я и подумала: может, вас заинтересует сюжет про директора школы и выдуманный клад?

– Большое спасибо! – с жаром воскликнула я. – И…

Договорить я не успела. Из-за угла музея вынырнула уже виденная мною из окна отеля натертая до блеска черная иномарка с наглухо затонированными стеклами. Машина медленно проехала вдоль здания, поравнялась с нами и остановилась. Одно из боковых окошек чуть опустилось, из салона раздался еле слышный вопрос:

– Как вас зовут?

– Виола Тараканова, – машинально ответила я. И тут же, удивившись происходящему, спросила: – А вас?

– Тише, тише… – зашептала Марта.

Меня охватило изумление. Да что такое происходит?

– Стойте, пожалуйста, – умоляюще произнесла Марта. – Это невероятно!

Из окошка показалась белая бумажка.

– Берите скорей, – засуетилась моя спутница.

Я схватила листочек. Едва он оказался в моих пальцах, автомобиль резко стартовал от тротуара и, свернув направо, пропал из зоны видимости.

– Невероятно! Невероятно! – с придыханием твердила Марта. – Ну, смотрите скорей!

Я уставилась на бумажонку размером с сигаретную пачку. Вверху печатными буквами шариковой ручкой шла надпись: «Виоле Таракановой на удачу». Чуть пониже были нарисованы простым карандашом черточки, зигзаги, кружочки. Композиция больше всего напоминала каляки-маляки дошкольника.

– Вы великий человек! – с трудом вымолвила Марта.

Я покосилась на спутницу. Может, ей плохо? У нее случился спазм сосудов, кровь неравномерно поступает в мозг, и поэтому Марта несет чушь?

– У вас в руках «исполнялка»! – зачастила моя провожатая.

– Хотите сказать, что эта бумажка – пропуск в страну исполнения желаний? – недоверчиво спросила я.

Марта заломила руки.

– Ну, конечно! Тысячи людей мечтают получить подобную! Народ живет в Беркутове месяцами и частенько – впустую. А вам повезло сразу. Скорей побежали!

Марта схватила меня за руку и потащила вперед.

– Куда? – бестолково спросила я, следуя за ней. – Зачем так спешить?

Глава 6

Марта остановилась около моей машины и велела:

– Уезжайте!

Я облокотилась на крыло внедорожника.

– Простите…

Спутница склонила голову к плечу.

– Вам необходимо отправиться домой в Москву. Молча. Ни с кем не разговаривайте по дороге.

– Даже с заправщиком на бензоколонке? – уточнила я.

– С ним можно, – разрешила Марта.

– Вы меня прогоняете? – протянула я. – По какой причине я столь спешно объявлена в Беркутове персоной нон грата?

– Господи! – всплеснула руками Марта. – Разве вы не знаете народную примету?

– Какую из многих? – прищурилась я. – Про черную кошку, бабу с пустыми ведрами, разбитое зеркало или опрокинутую солонку?

Марта закатила глаза.

– О боже! Вы не в курсе!

– Чего? – сердито спросила я.

Моя спутница прижала руки к груди.

– Вам невероятно, немыслимо повезло! И есть примета: если человек получил «исполнялку», ему нужно как можно быстрее покинуть город. Главное – ни с кем не разговаривать в Беркутове, иначе удача сглазится.

– Интересно… – протянула я. – А как же ротонда с розетками?

– Верно, – согласилась Марта, – когда вы обретете желаемое, надо вернуться к Ирине и высказать благодарность. Это обязательно, иначе фортуна может повернуться к вам, простите, задом. Непременно нужно заглянуть в ротонду, но это позднее. Скорее садитесь за руль и уноситесь в столицу. Хорошо, что чемодан с вашими вещами не в гостинице. Не волнуйтесь, я объясню Максиму Антоновичу суть дела, он поймет.

Я заглянула Марте в глаза.

– «Исполнялка» – гарантия осуществления мечты?

– Стопроцентная, – поспешно заверила врунья.

– Но если я не убегу стремглав из Беркутова, кто-то может сглазить удачу, и я останусь с носом? – еле сдерживая улыбку, спросила я.

– Абсолютно верно, – истово кивала Марта.

– Тогда получился интересный казус, – усмехнулась я. – Видите ли, самым страстным моим желанием является беседа с художницей Ириной Богдановой. Других желаний у меня нет. Если следовать примете, то надо уехать, но… но мне все же придется задержаться в Беркутове – иначе мечта не осуществится. Понимаете?

– Угу, – растерялась Марта, – действительно, казус. Значит, вы остаетесь?

Я расплылась в улыбке.

– Конечно. Продолжим нашу прогулку?

В кармане куртки моего экскурсовода резко затрезвонил телефон, Марта вытащила трубку и тихо сказала:

– Слушаю…

Знаете, есть аппараты, у которых очень громкий динамик, и то, что вам говорит собеседник, слышно тем, кто находится рядом. Именно такой мобильник оказался у моей спутницы.

– Уметается? – донесся до моих ушей мужской голос.

– Я тебе перезвоню через минуту, – нервно сказала Марта.

– Она получила «исполнялку»? – не успокаивались на другом конце провода.

– Да, – коротко подтвердила моя экскурсоводша.

– Отлично. Пусть отваливает. Расскажи ей про примету.

– Спасибо, дорогой, непременно, не переживай, – нежно прочирикала Марта, – дай ей чаю с малиной и аспирин.

– Эй, ты мухоморов наелась? – рассердился звонивший. – Что за чушь несешь?

– Мы с гостьей из Москвы сейчас находимся около музея, – промурлыкала Марта, – я рассчитываю, что экскурсия продлится часа полтора. Потом отведу госпожу Тараканову в отель и приеду. Не стоит так волноваться, у детей часто поднимается температура, скорей всего у девочки обычная простуда.

– Чертова баба рядом? – догадался собеседник.

– Ну, конечно! Аспирин лучшее решение проблемы, – протянула Марта.

– Что-то не так? – насторожился звонивший.

– Включи ей мультик «Большие неприятности», – промурлыкала Марта, – она его обожает. В особенности сцену, где главная героиня не едет в путешествие, а остается дома.

– Черт! Она не отваливает в столицу?

– Нет, – отрезала Марта. И услышала приказ:

– Наври дуре, что хочешь, и немедленно возвращайся.

Марта положила трубку в карман и забормотала:

– Извините, моя сестра лежит в больнице, вчера ей аппендикс удалили. Ее муж остался один с дочкой. Катюше восемь лет. Девочку отправили с первого урока домой – температура поднялась. Чистая ерунда, Катя постоянно простужается, но Сергей не привык иметь дело с ребенком и запаниковал. Мужчины только кажутся сильными, а на самом деле сразу пасуют, когда речь заходит о мелких житейских проблемах. Что делать с малышкой? Чем напоить-накормить? Как развлечь? Отец в растерянности.

Я изобразила озабоченность.

– Очень хорошо вас понимаю. Но насморк и повышение температуры не всегда означают простуду. С похожих симптомов начинаются многие более серьезные детские болезни, например, корь, ветрянка, скарлатина. Лучше вам срочно отправиться в дом своей родственницы и самой разобраться в ситуации.

В глазах Марты зажглась неприкрытая радость.

– Оно, конечно, так, но я на службе. У нас с вами запланирована экскурсия по памятным местам Беркутова.

Я демонстративно приложила ладони к вискам.

– Я разнервничалась, получив картинку от Богдановой. Не рассчитывала на такую удачу, наслышана о непростом характере Ирины и, даже очутившись в уютной гостиной ее дома, сомневалась, что художница согласится побеседовать со мной. И вдруг такая радость! Теперь я точно ее увижу и смогу расспросить! Это очень ценно, я сумею правильно выстроить образ одной из героинь своего будущего бестселлера. К сожалению, у меня от переживаний, даже счастливых, всегда болит голова. Давайте поступим так. Я вернусь в отель, приведу себя в порядок, приму ванну, отдохну, а вы съездите к сестре, посмотрите на племянницу, при необходимости вызовете к ней врача и придете за мной. Экскурсию можно устроить завтра. Я никому не скажу, что вы направились к больному ребенку, это останется нашей маленькой тайной.

– Спасибо, – смущенно произнесла Марта, – очень мило с вашей стороны.

На сей раз в отеле обошлись без медвежьих плясок. Федор и Марта довели меня до номера, портье открыл дверь, включил свет и заявил:

– Двухместный президентский люкс с ванной, личным туалетом, баром, вентилятором и консьержем для обслуживания. Если вам что понадобится, только крикните. Чай, кофе, пиво, газировка, еда – проблем ни с чем не будет, у вас ВИП-обслуживание по первой категории. Обратите внимание, номер украшен цветами. Наш отель «Золотой дворец» известен как лучший в районе и области, у нас в каждом номере есть теплая вода! Но двухместный президентский люкс обслуживается особым образом, применяется система, которая была разработана…

Федор примолк.

– Ну, договаривай! – нетерпеливо приказала Марта. – А если сказать больше нечего, оставим Виолу в покое.

– Мне всегда есть что сказать, – оскорбился портье, – просто слово забыл. Тотен или тандыр? Нет, тандем! Итак, продолжаю. В обслуживании президента по итогам тандема…

– Вероятно, речь идет о тендере? – вмешалась Марта.

Федор величественно выпрямился и, указав рукой за мою спину, закончил фразу:

– …участвовали ведущие фирмы области. Плиз, эксклюзивная, созданная лично для вас цветочная композиция «Славься, город Беркутов».

Я обернулась и судорожно закашлялась. В простенке между окнами, занавешенными двумя темно-синими велюровыми портьерами, маячила тренога, на которой красовался похоронный венок из еловых лап, утыканных головками слегка увядших красных и белых гвоздик. Самый его верх венчал бант из черного атласа, от него спиралями свисали ленты с буквами, которые явно складывались в какую-то надпись, но разобрать ее я, как ни старалась, так и не смогла.

– Данная икебана является авторской работой студии артдизайна, – пояснил Федор, – вот вам их визитка.

Я машинально взяла карточку из картона и прочитала текст: «Все для счастливых похорон. Постоянным клиентам скидки. Любые аксессуары из экологически чистых материалов».

Марта дернула Федора за рукав.

– Пошли!

– Я не рассказал про фрукты, – уперся портье, – их поставили «Химпластудобрения»…

– Незачем про яблоки-бананы вещать, их есть надо, – перебила Марта и вытолкала Федю из номера, следом вышла сама.

– Ты не права, – послышался уже из-за двери бас портье.

– Уймись! – велела Марта.

Я подождала минуту, потом осторожно выглянула в коридор, застеленный ковровой дорожкой, вышла и на цыпочках прокралась до поворота. Расчет оправдался – до меня донесся резкий голос Марты:

– Федор, если Виола попытается выйти из отеля, под любым предлогом задержи ее и позвони мне, но незаметно.

– Не понял, – прогудел портье.

– Идиот! – в сердцах воскликнула Марта. – Максим Антонович не хочет, чтобы столичная гостья одна ходила по Беркутову. Еще попрется на окраину, а там асфальт снят, дома не ремонтированы. Сам знаешь, городского бюджета на все не хватает, будет стыдно. Если писательница надумает без сопровождения шляться, ты просто тихонько, не привлекая внимания, набери мой номер.

– Зачем? – снова не сообразил Федя.

– Я увижу твой вызов и сразу прибегу. Только задержи Тараканову! – велела она. – И…

Послышался звонок.

– Слушаю… – произнесла Марта. – Игорь, мне удалось уговорить гостью вернуться в отель, я бегу к тебе. Нет, она решила отдохнуть. Не волнуйся, Федя ее не выпустит. Скоро буду!

Воцарилась тишина. Марта отбыла. Потом раздался громкий стук и снова звонок. На этот раз ответил портье:

– Отель «Золотой дворец». Желаете забронировать номер?

Я так же на цыпочках вернулась в свой номер, повесила на ручку с наружной стороны табличку «Не беспокоить. Do distrub»[3 - Написано неверно. Надо: «Do not disturb».], задвинула на всякий случай изнутри щеколду, открыла чемодан, подняла его дно, вытащила из тайного отделения платок, очки, темно-синее платье длиной значительно ниже колена и темно-зеленый плащ. Почему-то люди полагают, что изменить внешность можно лишь при помощи масштабного грима и парика. На самом же деле в большинстве случаев бывает достаточно водрузить на нос старомодные очки в темно-коричневой оправе и с простыми стеклами, спрятать волосы под платок да еще поменять одежду.

Спустя десять минут я посмотрелась в большое зеркало и осталась довольна. Молодая, вполне симпатичная, модно одетая писательница, любительница красивых сумок и обуви, обеспеченная столичная штучка превратилась в тетушку непонятного возраста, домашнюю хозяйку из провинции, которая из экономии приобретает вещи в стоковых центрах и секонд-хендах, а о такой роскоши, как новый ридикюль, даже не помышляет, таскает при себе котомку из клеенки самого ужасающего вида.

Полюбовавшись так и эдак на свое изображение, я пошла было к одному из окон, намереваясь таким незатейливым образом незаметно покинуть отель. Но потом решила утолить любопытство и притормозила около «эксклюзивной цветочной экспозиции». Расправив черную ленту, я наконец-то прочитала сделанную мелкими золотыми буквами надпись. «До свидания, Александр Маргаритовичь», – гласила она.

В глубоком недоумении я открыла окно и преспокойно вылезла наружу. Интересно, как звали отца человека, для которого предназначалась «икебана»? Маргарит? И почему в его отчестве в самом конце стоит мягкий знак? Фирма ошиблась и доставила в отель чей-то похоронный венок? Или сотрудники банально перепутали ленты? Увы, есть вопросы, на которые я никогда не узнаю ответов.

Воспользоваться своим автомобилем я не могла и, старательно сгорбившись, пошла пешком. Добралась до местного музея, увидела милую старушку с сумкой на колесах и спросила:

– Бабушка, как добраться до улицы Революции?

– Садись на метро, – благожелательно ответила она. И махнула рукой: – Вон там остановка. Беги скорей, как раз вагон катит. Ехать тебе до самого конца, сойдешь и прямо где надо очутишься.

Маленький трамвайчик быстро домчал меня до того места, где рельсы, сделав круг, поворачивали в обратном направлении. Я выбралась наружу и поняла: слова Марты про то, что городского бюджета на все не хватает, чистая правда. Похоже, администрация Беркутова привела в порядок только центральную часть, окраина выглядит удручающе бедно. Улица Революции была не заасфальтирована, тут и там виднелись лужи, заполненные водой и жидкой грязью. По обе стороны дороги тянулись покосившиеся избенки, окруженные разнокалиберными заборчиками. Железная колонка, торчавшая неподалеку от остановки трамвая, свидетельствовала об отсутствии в домах центрального водоснабжения. Соответственно, тут нет и канализации и, вероятно, магистрального газа. Принято считать, что медвежий угол – это село, расположенное в безбрежной тайге или затерянное в горах Севера или Сибири. Я не бывала ни в одном из перечисленных регионов, но хорошо знаю: медвежьи углы легко можно обнаружить и во вполне благополучном, совсем не бедном Подмосковье. И сейчас я забрела именно в такой.

Я осторожно дошла почти до конца улицы, постучала в калитку, но не дождалась ответа. Вошла во двор, распахнула дверь, ведущую в сени, и крикнула:

– Валентина Сергеевна, вы тут?

– Кто это шумит? – донеслось в ответ. – Маша, ты? Заходи. Только скинь боты и дверь затвори, грязи надует. Я в зале, телевизор смотрю.

Глава 7

– Да ты не Маша! – удивленно заявила бабушка, восседавшая в глубоком кресле.

– Извините, нет, – улыбнулась я. – Разрешите представиться – Элеонора.

– Красивое имя, – одобрила Валентина Сергеевна, – как из сериала. И чего тебе надо? Откуда мое имя узнала? Зачем пришла? Садись, в ногах правды нет. Сейчас чаю налью.

Я попробовала отказаться от угощения:

– Спасибо, не стоит беспокоиться.

Бабушка легко встала.

– Дуй на кухню, чайник там. Еще никто от Колесниковой голодным не уходил. Блины небось уважаешь? Не отвечай, их все в охотку уминают. И варенье есть, черносмородиновое. Ты паломница? Ищешь, где переночевать подешевле? От Вальки пришла? По правильному адресу явилась, я за коечку не деру, как те, кто в центре живет. Совсем люди совесть потеряли. Я слышала, что Алевтина Бирюкова по тыще рублей с носа требует. О как! Накажет ее господь-то за жадность. А у меня ночлег сотня, чаек без денег. Если покушать захочешь, за отдельную плату сделаю яишню. Сейчас трое тут живут, все женщины тихие, смирные. Мужиков я не пускаю, ну их в качель. Пьющих и курящих тоже мимо. Если дымишь, уж не обижайся, не приму. Вовремя ты пришла, есть пустая постель. На, пей!

Передо мной появилась пол-литровая кружка, до краев заполненная темно-коричневой жидкостью: хозяйка не жалела заварки.

Я открыла сумку, вынула конверт с фотографиями и протянула его старушке:

– Сделайте одолжение, посмотрите снимки. Может, узнаете кого?

Валентина Сергеевна взяла со стола очки, глянула на фотографию, прижала левую руку к горлу и тихо спросила:

– Откуда у тебя это? Господи! Ты из полиции?

– Не совсем, – улыбнулась я. – Представляю частное детективное агентство. Мы платим за верную информацию.

– Узнавать мне тут некого, всех хорошо помню, – вздохнула пожилая женщина.

Корявый палец пенсионерки постучал по одному снимку.

– Вот внук мой, Сашка, сделай милость, если знаешь что про парня, расскажи. Пропал он, словно сквозь землю провалился.

– Простите, Валентина Сергеевна, – тихо произнесла я, – о вашем внуке у меня пока никаких сведений нет. Меня наняли для поиска девушки, которая запечатлена возле Саши. Думаю, если нам удастся найти ее, она может сообщить информацию о вашем внуке. Пожалуйста, помогите мне, а я попробую помочь вам.

Валентина Сергеевна продолжала смотреть на снимок.

– Это моя жиличка, Аня. Фамилия у нее простая… э… Фомина.

– Может, Фокина? – подсказала я.

– Поперла поперед мамки в пекло, я не жалуюсь на память, – обиделась старушка. – Хотя точно, Фокина.

– Неужели всех-всех, кто у вас останавливался, помните? – усомнилась я.

– Нет, конечно, – засмеялась Валентина Сергеевна, – просто Фокина первой оказалась. К нам тогда как раз паломники понаехали, гостиниц еще не понастроили, народ в частном секторе размещался. Кое-кто из тех, что на Октябрьской, прямо озолотились – живо сориентировались, такие цены установили!

Валентина Сергеевна отложила фото и предалась воспоминаниям.

…В тот год, когда художница Богданова обосновалась в Беркутове, никто и предположить не мог, какую выгоду принесет городу и горожанам ее приезд.

Местные жители радовались возможности заработать. В конце лета дачники уехали в Москву, но сарайчики и крохотные каморки, где ютились столичные жители с детьми, не опустели, на их место вселились те, кто хотел увидеть Ирину. Первые жирные сливочки, естественно, сняли владельцы домов в центральной части. Хозяева быстро обнаглели, стали требовать большие деньги, и паломники расползлись по окраинам Беркутова.

Когда Сашка, непутевый внук Валентины Сергеевны, не желающий ни учиться, ни работать, зато любящий вкусно поесть, выпить и сладко поспать, привел симпатичную девушку, бабушка не скрыла своей радости. До ее домика на улице Революции ни один гость пока не добрался, всех расхватывали по дороге активные соседи.

Аня Фокина была первой постоялицей старушки. Очень тихая, малоразговорчивая, она не сообщила о себе никакой информации. Колесникова, конечно же, заглянула в паспорт гостьи, увидела там штамп московской прописки и успокоилась. Еще ей понравилось, что на шее девушки висел маленький крестик. Фокина не выставляла его напоказ, всегда прятала под блузкой, значит, была верующим, правильно воспитанным человеком. Снаружи на одежде жиличка носила медальон, похоже, старинной работы.

Один раз Валентина Сергеевна попыталась вызвать девушку на откровенный разговор, но та на вопросы о родных ответила кратко:

– Все умерли.

– И мама, и папа? – заохала хозяйка. – Ты круглая сирота?

– Получается, так, – еле слышно произнесла Анечка.

– Где работаешь? – не отставала Валентина Сергеевна.

– В разных местах, – нехотя сообщила Фокина.

– Жених есть? – продолжала «интервью» старушка.

Последний вопрос не понравился Анне. Она встала из-за стола и еле слышно, но очень твердо произнесла:

– Валентина Сергеевна, если я не подхожу вам, только скажите, сразу съеду. Деньги я зарабатываю честно, не ворую.

– Что ты, деточка! – испугалась старуха. – Прости уж бабку любопытную, поболтать не с кем, вот я к тебе и привязалась.

Аня улыбнулась. Валентина Сергеевна обрадовалась и пояснила:

– Насчет жениха я неспроста удочку забросила. Саша у меня без невесты, а ты ему, вижу, нравишься.

– В мои планы замужество не входит, – сказала Фокина.

– Всем охота семью заиметь, – не согласилась хозяйка. – Конечно, Саша не брильянт, образования нет, но в хороших руках человеком станет. Выучится, например, на шофера, а они неплохо получают. Я тебе матерью стану, вашим детям бабушкой. Одной жить плохо!

– Я подумаю, – пробормотала Анечка.

Спустя неделю после этого разговора Фокина уехала тайком, не попрощавшись. Воспользовалась моментом, когда хозяйка отправилась к врачу, и скрылась. Но перед тем жиличка оставила в кухне на столе деньги за комнату и аккуратно прибрала светелку. Валентина Сергеевна даже всплакнула, когда увидела, какой порядок навела Аня. Пол, стекла, мебель сверкали чистотой, покрывало на кровати, занавески, даже домотканый половичок были выстираны. А в помойном ведре на кухне нашлась пустая бутылочка из-под полироли для деревянной мебели – Аня не пожалела денег, приобрела в магазине особое средство и надраила стол, шкаф и тумбочку. Такие аккуратные, хозяйственные девушки нынче редкость, из Фокиной получилась бы прекрасная невестка, но надежды старушки не сбылись.

Прошло какое-то время, и вдруг пропал Саша. Словно в воду канул. Куда подался внук, баба Валя не знала, но встревожилась и побежала в местное

отделение милиции, которым заведовал Игорь Львович Сердюков.

Местный блюститель закона и порядка отнесся к заявлению Валентины Сергеевны равнодушно.

– Успокойтесь, Александр взрослый человек, не ребенок. Небось рванул в столицу, живет в Москве без прописки. Как я его найду?

– Не знаю… – растерялась старушка.

– Вот видите! – прокряхтел Игорь Львович. – И я не знаю. Дайте хоть тоненький зацеп, в каком направлении искать. Парень хотел работать? Собирался комнату снять? Может, свел знакомство с москвичкой?

Ни на один вопрос у обескураженной пенсионерки не нашлось ответа.

И снова полетели месяцы. Потом в лесу, возле так называемого замка людоеда, пришлый грибник обнаружил человеческие останки.

Полуразрушенное старинное здание вообще в Беркутове пользовалось дурной славой. Рассказывали, что во время Великой Отечественной фашисты сбросили в колодец тела расстрелянных жителей, поэтому первое время после победы местный люд близко не подходил к тому лесу, даже ребятишки не забегали туда за ягодами-грибами. Но постепенно память о трагедии начала тускнеть. К концу семидесятых лишь старики предпочитали обходить гиблое место стороной, а их внуки, рожденные спустя годы после войны, посмеивались над ними и снисходительно говорили: «Привидений не существует».

Но в конце восьмидесятых с башни «замка людоеда» упал подросток, который на спор с приятелями отправился в лес ночью, желая продемонстрировать храбрость. За последующие несколько лет на развалинах случилось несколько смертей – погибла молодая пара да еще девушка, которая покончила жизнь самоубийством. Вот тут беркутовцы вновь вспомнили про дурную славу «замка людоеда» и потребовали от местных властей разобрать руины. Но на непростую работу в городском бюджете не нашлось средств, и все осталось по-прежнему. Причем раз в два-три года в лесу непременно происходит несчастье. Взрослые категорически запретили детям посещать поганое место, но оно словно приманивало подростков. И вот около развалин в лесу нашли труп Юры

Силантьева, сына Раисы Кузьминичны, – на парня напал маньяк. Говорят, это был отсидевший срок за сексуальное нападение уголовник. Преступник возвращался с зоны домой и совершил новое злодейство. С той поры никто из местных в лес не ходил, паломникам там тоже делать было нечего. И вот, на тебе, снова труп. Пришлось Игорю Львовичу вылезать из теплого кабинета и топать в чащу. В Беркутове в те годы не происходило ничего загадочного. Пьяные драки, разборки между жителями, мелкие кражи да еще несчастные случаи на развалинах. Даже смерть внука Силантьевой нельзя было считать загадочной – все было понятно, Юре сломали шею. Убийства в городке случались, но, как правило, преступников брали с поличным. Это были либо муж, ударивший слишком сильно жену или тещу, или баба, сдуру треснувшая супруга по пьяной башке сковородкой. Раскрытие таких преступлений не требовало от следователя особого ума и фантазии.

Вскоре после того, как грибник привел представителей закона к останкам, Валентину Сергеевну пригласили к Сердюкову. Игорь Львович продемонстрировал чудеса заботливости – усадил Колесникову на стул, налил ей воды и сказал:

– Очень прошу, гляньте на вещи, вдруг они покажутся вам знакомыми.

Пенсионерка устроила на носу очки. Главный милиционер Беркутова сдернул со стола клеенку, прикрывавшую какую-то кучу. Взору Валентины Сергеевны предстала куртка из дешевой синтетики и ботинки из кожзама. Такие вещи не сгниют сразу, они ближайшие родственники пластиковых бутылок и полиуретановых пакетов, будут лежать в земле веками. Еще на столешнице лежал ослепительно сверкающий медальон на золотой цепочке.

– Это принадлежало моей жиличке, – в ужасе прошептала бабушка.

– Уверены? – озабоченно поинтересовался Игорь Львович.

Ответа Сердюков не дождался – Валентина Сергеевна упала в обморок. К ней вызвали «Скорую», старушку увезли с гипертоническим кризом в больницу.

Из клиники Колесникова вышла не скоро и сразу направилась к Игорю Львовичу с заявлением. Валентина Сергеевна поразмыслила спокойно, и у нее возникли сомнения.

– Думаю я, что останки из леса не Анины, – выпалила Колесникова, едва переступив порог кабинета.

Игорь Львович укоризненно покачал головой.

– Дорогая Валентина Сергеевна, вы себя совсем не бережете. Идите домой.

– Нет, – засопротивлялась Колесникова, – ошибка вышла.

– Вещи не Фокиной? – устало спросил Игорь Львович.

– Ее, – закивала Колесникова. – И кулон я хорошо запомнила, он оригинальный, похоже, дорогой. Вот только где крестик?

– Что? – не понял Сердюков.

Колесникова пустилась в объяснения:

– Аннушка носила на груди маленький крестик, никогда с ним не расставалась. Если это тело Фокиной, то крест непременно должен быть на шее. А коли его нет, нашли кого-то другого.

Игорь Львович закатил глаза:

– Валентина Сергеевна, дело давно закрыто. Останки опознаны, погибшая – Анна Фокина, одинокая, незамужняя, сирота. Состоялась кремация.

– А вещи с медальоном куда дели? – встревожилась Колесникова. – Подвеска дорогая!

– Не беспокойтесь, поступили так, как требует закон, – вывернулся Игорь Львович.

Но бабушка закусила удила.

– Проверьте, был ли крестик!

– Это не так просто, как вам кажется, – заныл Сердюков, – надо ехать в архив.

– Если самому в тяжесть, я съезжу, – заявила Валентина Сергеевна. – Вдруг вы неправильно человека определили? Может, вовсе не Фокина в лесу умерла? И где-то родители той несчастной места себе не находят, их неизвестность мучает!

Сердюков скривился, но пообещал выполнить ее просьбу. Спустя неделю он сам приехал к Колесниковой, привез ей большую коробку конфет, колбасы, сыру, печенья и сказал:

– Кабы все граждане проявляли такую активность, как вы! Абсолютно оказались правы, был крестик. Его в ведомости описали, а на опознание не принесли, накосячили. Очень вас прошу, не поднимайте шума. Сотруднику, который про него забыл, через пару недель на пенсию выходить, у него нет ни одного служебного нарушения. Не мой он человек, из района, но все равно жаль.

Рассказчица оперлась локтями о стол и посмотрела на меня в упор.

– Вот тут я и поняла: брешет Сердюков. Никуда он не мотался, в архив не обращался. И крестика не было, не Анечкины останки в лесу нашли! Захотел мужик поскорей дело с рук сбыть, обрадовался, что я одежонку опознала, и тяп-ляп, все готово. Фокина крест берегла, никогда не снимала, я один раз с ней в бане оказалась и цепочку увидела. Вещи и медальон Аня могла другому человеку отдать, а вот крест никогда. Зачем она с кем-то шмотками поменялась, понятия не имею. Возможно, кулон продала. Так что не Фокина у замка людоеда погибла, а та, что ее одежонку надела. Анечка же, с крестиком на шее, где-то живая ходит. Вот так. А откуда у тебя фото моего внука и Ани? Где его взяла? Может, все-таки чего о Саше знаешь? Я тебе рассказала правду, теперь твоя очередь. Сделай милость, ответь!

Глава 8

Я набрала полную грудь воздуха. Очень жаль одинокую Валентину Сергеевну, но мне никак нельзя рассказать ей правду.

Все дело в том, что некоторое время назад я, желая помочь поймать серийного маньяка, влезла по уши в опасную историю, кардинально изменившую мою жизнь. Мне не хочется вспоминать события тех дней[4 - Подробно история рассказана в книге Дарьи Донцовой «Дьявол носит лапти», издательство «Эксмо».], но все же кое о чем придется упомянуть.

Меня тщательно подготовили к работе, операцией руководил Влад Андреевич Фарафонов, и, наверное, не стоит уточнять, где он служит. Влад же повесил мне на шею золотой старинный медальон, украшенный вензелем «АБ». Раритетная вещь была взята из спецхранилища организации, которая осуществляла операцию. Во время своих приключений я познакомилась и даже подружилась с мужчиной по имени Константин Франклин. И только после того, как все завершилось, я узнала правду.

Костя подошел ко мне первый раз, потому что увидел медальон. Оказывается, у него была сестра Аня Фокина, намного моложе самого Кости и его брата, любимица мамы. Золотой медальон – семейная ценность. Несколько поколений реликвия передавалась в семье от старшей женщины к младшей в день, когда последняя отметит шестнадцатилетие. Поэтому девочкам в семье давали имя, начинавшееся на букву «А». Мать не нарушила традицию и повесила украшение на шею Анечке. Та никогда его не снимала, считала своим оберегом. А потом Аня пропала – ушла из дома и не вернулась. Ей тогда исполнился двадцать один год. Костя в то время был еще не богат, больших денег в семье не водилось, поэтому нанять частного детектива родственники не могли. А милиция не особо озаботилась поисками, девушка словно в воду канула. Представляете, что испытал Костя, увидев у меня медальон Ани?

Используя свои знакомства, я попыталась выяснить, каким образом в спецхран попало семейное украшение. Влад Фарафонов проделал по моей просьбе большую работу и в конце концов установил: драгоценность была конфискована у жены арестованного за воровство Вадима Петровского, сотрудника милиции из Подмосковья. Тот работал на складе улик, и зачастую под его охраной оказывались дорогие вещи, допустим, часы или золотые украшения. Петровский примечал самое интересное и какое-то время выжидал. Если он понимал, что этими уликами никто не интересуется, то запускал жадную лапу в пакеты или коробки. Украденное он потом продавал. А вот медальон Фокиной очень

понравился его жене и остался у Петровского дома. Вадима поймали случайно. Дело вороватого сотрудника МВД отправили в Москву, а оригинальный кулон попал в особое хранилище, откуда потом его забрали для спецоперации люди Влада Андреевича.

И у меня, и у Фарафонова, и у Кости Франклина возникли вопросы. Было поднято дело, в улики которого запустил руку Петровский, и в коробке нашли снимок Ани с каким-то парнем. Вопросов стало еще больше. Откуда взялась карточка? Ее нашли около человеческих останков в лесу? Аня хранила ее в кармане? Но изображение было чистое, неповрежденное. Может ли фотография пролежать долгое время под открытым небом и остаться как новенькая? Ладно, предположим, что мистические силы сохранили ее. Но почему Игорь Львович Сердюков не показал ее Валентине Сергеевне? Отчего старушке продемонстрировали лишь куртку, ботинки и медальон?

После беседы с Колесниковой я поняла, что она никак не причастна к этой истории, ее использовали как свидетельницу, которая могла подтвердить, посмотрев на вещи: «Да, они принадлежали моей жиличке». Похоже, главному беркутовскому менту требовалось во что бы то ни стало идентифицировать найденный в лесу труп как тело Ани Фокиной. И это очень странно.

Сколько «подснежников» находят в лесах Подмосковья ранней весной, когда стаивают сугробы? Поверьте, мертвец без документов совсем не редкость. Конечно, правоохранительные органы обязаны идентифицировать любые неопознанные трупы, но на самом-то деле никто особенно не старается.

По словам все той же Валентины Сергеевны, Сердюков даже бровью не повел, когда она пришла к нему с рассказом о невесть куда пропавшем внуке Саше. Судя по всему, Игорь Львович отнюдь не сердобольный и крайне ленивый человек, и он, по логике, узнав о скелете в лесу, должен был отмахнуться от проблемы. А тут невероятная активность: возбуждено дело, сам Сердюков его ведет. Кстати, почему Игорь Львович помчался именно к Валентине Сергеевне? Откуда он узнал, что Колесникова может опознать тело? Кто ему подсказал, в чьи вещи одет труп, найденный в лесу? Фото обнаружили в кармане? Да бросьте! Снимок явно подбросили в улики – для страховки. Вдруг кто-то начнет задавать вопросы вроде тех, что возникли у меня. Например: почему Сердюков заявился к Колесниковой? А тут готов ответ: есть снимок, на нем изображен Саша, поэтому, ясное дело, Игорь Львович поспешил к его бабушке. Отчего он не показал его Валентине? Господа, мы ходим по кругу!

Сердюкову повезло: никто никаких вопросов задавать ему не стал. Останки (якобы Фокиной), найденные грибником, похоронили на местном кладбище, а сердобольная Валентина Сергеевна ухаживает за скромной могилкой девушки, которую хотела видеть своей невесткой. И все вроде быльем поросло, стало забываться, но мы разворошили старый, сгнивший стог сена, и оттуда полезли странные звери.

После того как Игорь Львович столь быстро и удачно идентифицировал останки, опираясь лишь на показания Валентины Сергеевны, он уволился из рядов милиции по состоянию здоровья – у него обнаружили гипертонию и ранее никем не диагностированный порок сердца. Еще недавно, проходя обязательное медобследование, Сердюкова на зависть сослуживцам признавали абсолютно здоровым – и вдруг он занедужил. Кстати, справку о болезни милейшего Игоря Львовича подписал главный врач районной больницы, всеми уважаемый доктор Владимир Яковлевич Обоев.

Уволенному по причине болезни бывшему милиционеру весьма не просто устроиться на новую работу, тем более в таком городе, как Беркутов. Но ему опять невероятно повезло – его взял на службу глава администрации Максим Антонович Буркин. Игорь Львович стал заниматься охраной мэра и Ирины Богдановой, сейчас в подчинении Сердюкова с десяток человек, которые следят за порядком, наблюдают за паломниками и гасят любые, порой возникающие скандалы.

И последний вопрос. Почему не сделали анализ ДНК останков, обнаруженных возле замка людоеда? Конечно, это очень дорого, у районных специалистов элементарно нет средств на такое исследование. И Сердюков не выражал желания провести его. Зато этим озаботились мы. На костях черепа трупа было обнаружено несколько волосков. Местный эксперт, в отличие от Игоря Львовича, был человеком ответственным, поэтому аккуратно уложенные в тщательно закрытую стеклянную емкость волосы прекрасно сохранились. И знаете, каким оказался результат экспертизы? В лесу нашли труп не Ани Фокиной, а… Ирины Богдановой, художницы, которая пару часов назад нарисовала для меня «исполнялку».

Как образец ДНК Богдановой попал в систему? Каким образом эксперт, изучавший биоматериал, на него наткнулся? Ну, не все же работают, как Сердюков. Слава богу, на свете много замечательных специалистов.

Костя Франклин представил для сравнения молочные зубы своей сестры, которые хранила его мать. Когда стало понятно, что волосы принадлежат не Фокиной, сотрудник лаборатории прогнал результат по всем имеющимся базам и обнаружил-таки совпадение. Оказывается, Ирине Богдановой делали в больнице города Беркутова операцию по пересадке костного мозга. Донора искали по всей России, сведения находились в специальном фонде. Хирургическое вмешательство проводил главврач Владимир Яковлевич Обоев. Ира тогда была школьницей, и ей повезло, девочка выздоровела. После излечения бывшая подопечная Владимира Яковлевича уехала вместе с отцом из Беркутова. И вот тут начинается совсем иная история.

Биография Богдановой, которую рассказывают паломникам и журналистам, не содержит ни слова правды. Благодаря Владу Фарафонову я отлично знаю, как складывалась судьба Иры и ее отца Ильи Николаевича после их отъезда из Беркутова. Семья поселилась в Москве, девочка пыталась поступить в институт. Увы, ей не сопутствовала удача, Ирочка не сдала экзамены и осела дома. Наверное, она работала, но в таком месте, где не делают записей в трудовой книжке. Может, вчерашняя школьница торговала на рынке или подалась в домработницы? Не хочется думать, что Ирина устроилась в массажный кабинет или вышла на обочину шоссе, нацепив на себя микроюбку и сапоги-ботфорты, но ведь вполне вероятен и такой вариант. Илья Богданов тоже официально нигде не служил. Что делали отец и дочь? Как зарабатывали себе на хлеб? Сдавали часть московской квартиры? Пекли пирожки и стояли с ними у метро? Нет ответа. Но как-то Богдановы выживали. Единственное, что можно утверждать со стопроцентной уверенностью: ни отец, ни дочь никогда не выезжали за границу. В Америку они точно не летали.

Потом Ирина вдруг выплывает из мрака – становится участницей выставки, которую организовал фонд защиты диких животных. Богданова предоставила для экспозиции свою картину. Скопление пятен и линий неожиданно понравилось членам жюри, и работа девушки была отмечена дипломом. Спустя несколько месяцев Ира перебирается в Беркутов, где ее представляют журналистам как мировую знаменитость. Ну да эту часть истории я уже рассказывала.

Сейчас будет уместно сделать одно уточнение. Ни в одной статье вы не найдете никаких упоминаний о возрасте Богдановой. В принципе, это не странно, многие знаменитости скрывают год своего рождения, хотят выглядеть молодыми. Журналисты, с тщанием раскапывающие тайны селебретис, почему-то никогда

не кричат со злорадством: «Ага! Актрисе N уже пятьдесят, а она все играет юных девушек!» Удивительно, почему, смакуя подробности пластических операций, липосакций, перечисляя любовников и находя внебрачных детей звезд, корреспонденты не уличают деятелей кино, театра и эстрады во лжи относительно их возраста, но факт остается фактом. Равным образом и Богдановой никто не задал простой вопрос: «Сколько вам лет?»

Учитывая окутывающий художницу ореол всемирной известности, паломники считают Богданову зрелой женщиной. Но на самом деле, если заняться простыми математическими подсчетами, становится ясно: она никак не могла прожить долго в Америке и заработать там яркую славу. К тому же недавнюю школьницу, да еще эмигрантку из России, никто в США спешно не увенчает лавровым венком. Но паломникам возраст волшебницы в принципе безразличен, а жители Беркутова счастливы из-за процветания города и не считают прожитые годы своей благодетельницы.

Что случилось с Ильей Николаевичем Богдановым, неизвестно. Отец Ирины по-прежнему прописан в Москве, но в квартире не бывает. Дом большой, многоподъездный, этажей в нем немерено, соседи сменились несколько раз, и из проживающих в высотке ныне никто ничего об Илье и его дочке сказать не может. Однако коммунальные платежи оплачиваются без задержки, никаких задолженностей нет. Этакий жилец-невидимка.

Ну, а теперь возникает сам собой напрашивающийся вопрос: если останки, обнаруженные в лесу возле «замка людоеда», принадлежат Ирине Богдановой, то кто рисует паломникам «исполнялки»? Кто появляется перед ними, выдавая себя за «великую художницу»?

Собственно говоря, для выяснения этого я и появилась в Беркутове.

– К сожалению, о вашем внуке я ничего не знаю.

– Чай-то будешь пить? Остыл у тебя, похоже, давай свеженького налью, – предложила Валентина Сергеевна.

– Спасибо, – отказалась я, – мне пора. Жаль, что вы ничего не знаете о том, куда отправилась Аня.

Колесникова тяжело вздохнула.

– Я и про Сашу ничего не слышала. Исчез – и как утонул. Ни разу меня навестить не приехал, одна я тут кукую. А скажи, пожалуйста, почему тебя Фокина заинтересовала?

Я решила, что можно сообщить старушке часть правды.

– Анна – младшая сестра богатого человека. Она повздорила с матерью, которая хотела, чтобы дочь прилежно училась, а не бегала по тусовкам. Родительница пыталась образумить девушку, но ничего не получилось. Кое-как Анечку впихнули в институт, где обучают будущих журналистов. Конечно, не в МГУ, хилые тройки в аттестате не давали ей шанса. Мама пристроила неразумную дщерь в американско-московский колледж телерадиовещания. Данное заведение – вроде заповедника для деток-балбесов, имеющих, на свое счастье, богатых родителей.

– Теперь понятно, – снова вздохнула Валентина Сергеевна. – Мой Сашка тоже учился из рук вон плохо. Троечки ему учителя в аттестате натянули и на выпускных помогли, чтобы только из школы парня вытурить. Директор не хотел статистику портить. Ведь если кому дадут вместо аттестата справку о том, что десять лет в школе просидел, это для учебного заведения плохо, получается, не сумел педколлектив ребенка до ума довести. Об институте для внука я даже не мечтала. О каком высшем образовании могла идти речь, если парень название столицы через «а» писал – «Масква»? Забрали его в армию, вернулся он через два года и мне на шею сел. Куда ни устроится, отовсюду за лень увольняли. А потом вдруг заявил: «В институт пойду!»

Я удивилась сообщению хозяйки. И села обратно на стул, хотя уже собиралась попрощаться и уйти.

Валентина Сергеевна грустно улыбнулась и продолжала рассказывать.

Глава 9

Старушке после такого заявления внучка смешно стало, и она спросила:

– Саша, на кого учиться собрался? На президента? Уж постарайся, деточка, надоело мне медяки считать, охота на старости лет богато пожить.

А парень серьезно ответил:

– Поступлю в американский колледж, он в Москве открыт. Выучусь на журналиста, уеду в Нью-Йорк на работу, вот тогда ты надо мной можешь смеяться, сколько захочешь.

Колесникова не выдержала и съязвила:

– Дай бог нашему теляти волка съесть. Опомнись, Саша, кому ты нужен? Какая журналистика? Ты двух слов связать не можешь, куда уж тебе статьи писать!

Бабушка думала, что внук разозлится, но он сохранил хладнокровие.

– А там все такие, как я. Помнишь Вадьку Сердюкова?

– Сына Игоря Львовича? – вскинулась Валентина Сергеевна. – Дружка твоего закадычного? Вечно он тебя на гадости подбивал. Сам потом за папину широкую спину спрячется, а мой внучок-дурачок один отвечает за общие проделки.

– Ладно тебе, когда дело-то было, – отмахнулся Александр. – Подумаешь, разбили пару стекол в окнах. Вадька со школы мой лучший друг, а ты его даже в дом не впускала.

Вот тут у Валентины Сергеевны лопнуло терпение:

– И правильно делала! Два окна, говоришь? А про витрину в Москве забыл? Вас на месте поймали, в отделение отвели. И чего? Игорь Львович форму натянул, служебное удостоверение прихватил и в столицу кинулся. В результате папенька Вадима домой доставил, а ты остался в обезьяннике, на тебя все записали. Кто потом витрину оплачивал? Я, твоя бабка. Знаешь, как Сердюков отреагировал, когда я к нему пришла и сказала: «Игорь Львович, побойтесь Бога, вместе же парни набедокурили, вместе нам и расход нести»? Вытащил наш

главный борец с уголовниками из стола бумагу и мне показывает. «Нет, Валентина Сергеевна, не так все произошло. Ваш Саша стекло расколошматил, Вадика рядом не было. Почитайте вот копию их показаний и скажите спасибо, что я вашего внука от тюрьмы отмазал. Витринка-то принадлежала обувному магазину, там хорошие кожаные сапоги были выставлены. Мог ваш внук по статье за попытку воровства пойти, а я упросил коллег хулиганку ему оформить».

– Ой, перестань! – скривился Александр, когда обозленная Валентина Сергеевна примолкла. – Мы с Вадькой как дружили, так и продолжаем дружить. Он сейчас учится в Москве, в том самом американском колледже, и сказал мне, что туда любой поступить может. Вадя ведь сам тоже не из отличников. Странная ты! Орешь, что я лентяй, ни учиться, ни работать не хочу, а когда я собрался студентом стать, злобишься. Уж определись, чего ты хочешь!

Колесникова растерялась.

Когда подошел день первого сентября, бабушка посмотрела на внука и вновь не смогла удержаться от язвительности:

– Нарежь в саду гладиолусы, пойдешь на занятия с букетом!

Саша усмехнулся.

– Хорошая идея, но я же не первоклассник. Студенты на лекции с цветами не ходят. Побегу на поезд.

Валентина Сергеевна не поверила своим ушам. Внук спешит на электричку? Неужели парня действительно приняли в колледж?

Всю осень Колесникова пребывала в недоумении, а Александр, веселый, словно трехмесячный щенок, каждый день укатывал в столицу. На все вопросы бабушки он кратко отвечал:

– Я учусь. Отстань!

В конце концов она подстерегла на улице Сердюкова-старшего и, сделав вид, что столкнулась с ним случайно, сказала:

– Похоже, наши парни за ум взялись, вместе в американском колледже знания получают.

Игорь Львович удивленно глянул на пенсионерку.

– Вадик действительно на третьем курсе этого учебного заведения учится, сразу после школы поступил, в армию, как Александр, не попал. Все сессии на пятерки сдает. Но мне странно слышать, что и ваш внук там же занимается.

– Почему? – разозлилась Валентина Сергеевна. – Вадьке можно, а Саше нет?

– Пусть на здоровье обучается, – сказал Сердюков, – без хорошего образования нынче никуда. Вы, наверное, клад нашли на огороде?

Колесникова непонимающе уставилась на Сердюкова, а тот ухмыльнулся.

– Разве вы не знаете, что один семестр в колледже стоит десять тысяч долларов?

– Сколько? – ахнула пенсионерка. – Не может быть!

Игорь Львович снисходительно похлопал ее по плечу.

– Вот поэтому я и поинтересовался, не отрыли ли вы, когда сажали картошку, сундук с золотом.

Валентине Сергеевне стало так обидно, не передать словами.

– Да, денег у нас нет! – воскликнула она. – Но вот интересно, откуда они у вас? Неужели ментам столько платят?

Сердюков молча развернулся и ушел.

Вскоре после этой не очень приятной беседы Саша привел в дом Фокину и перестал ездить в Москву. Какое-то время внук тихо сидел дома. Потом Аня исчезла, а затем и Александр пропал. Вадик после окончания вуза ни в какую Америку не поехал. Еще будучи студентом, он женился и сейчас работает у Ирины пресс-секретарем.

– Не зря младший Сердюков образование получил, – пояснила Валентина Сергеевна, завершив рассказ. – Если кто хочет про Богданову написать или программу снять для телевизора, все к Вадьке обращаются. Его теперь не узнать – иномарка, костюм красивый, рубашка, галстук. Жену он себе взял из простых, не богатую. Мерзавец!

– Если человек идет в загс с любимой девушкой, а не с выгодной невестой, это характеризует его с лучшей стороны, – мягко возразила я.

Колесникова оперлась локтями о стол.

– Так, да не совсем. Если супруга из хорошей семьи, с обеспеченными родителями, над ней не поглумишься и руки распускать не станешь. Только обидишь жену – сразу от ее родственников пряников получишь. И сейчас женщины не спешат хозяйством заниматься, детей рожают после тридцати. Вон, на нашей улице у всех дочки в Москве живут – выучились, на работу устроились, деньги получают, а в загс не торопятся. В Беркутове остались одни дуры, но и им обед сготовить лень, огород не сажают, предпочитают готовое брать, а потом ноют, мол, денег нет. Вадим расписался с Феклой Шлыковой. Она из многодетной семьи, двенадцатая дочь. Имена, видать, в голове у Маньки Шлыковой кончились, раз так девчонку обозвала. Фекла вместе с Сашей и Вадькой училась. Ничего плохого о ней не скажу. Тихая, бесцветная, говорит слово в месяц, одевается как поповна – юбка почти до щиколоток, кофта до горла застегнута. И постоянно в платок кутается. Бабы говорят, Вадим жену за человека не считает, а та терпит, потому что ей страшно в нищете оказаться, как в детстве. Фекла старается быть лучше всех: готовит, стирает, убирает, грядки копает. И все сама, помощниц у нее нет, няньки тоже, служит мужу как собака. Вот и думай, удачно ли Вадька женился. Говорю же – он мерзавец. Младшему Сердюкову очень в жизни повезло, и старший всем доволен, ловко они рядом с Богдановой устроились. Пиявки!

– Почти все художники, писатели и музыканты плохо справляются с бытом, – подначила я Колесникову. – Творческие люди не думают ни о покупке продуктов,

ни о всяких мелочах, вроде платы за квартиру. И всегда около таланта есть человек, его обслуживающий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Данный НИИ, как и город Беркутов, целиком и полностью выдуманы. Любые совпадения случайны. Здесь и далее примечания автора.

2

Целков Олег Николаевич (р. 1934 г.) – российский художник, один из самых значительных представителей так называемого «неофициального искусства». С 1977 года живет во Франции. Невероятно талантливый живописец, не теряющий с возрастом фантазии и способности удивлять своих поклонников.

3

Написано неверно. Надо: «Do not disturb».

4

Подробно история рассказана в книге Дарьи Донцовой «Дьявол носит лапти», издательство «Эксмо».

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/putevoditel-po-lukomor-yu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить